

Молодежь группы риска в зеркале СМИ

Союз
журналистов
России

Российский
благотворительный фонд
«Нет алкоголизму и наркомании»

МОЛОДЕЖЬ ГРУППЫ РИСКА В ЗЕРКАЛЕ СМИ

**Материалы специального курса
для студентов факультетов
и отделений журналистики**

Москва 2008

МОЛОДЕЖЬ ГРУППЫ РИСКА
В ЗЕРКАЛЕ СМИ
Материалы специального курса
для студентов факультетов и отделений журналистики

Составители:

Надежда Ильинична Ажгихина,
секретарь СЖР, кандидат филологических наук

Нодари Лотариевич Хананашвили,
*заместитель председателя Ассоциации
благотворительных организаций России*

Галина Александровна Зайцева,
доцент Рязанского государственного университета

Главный научный консультант

Михаил Васильевич Шкондин,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой периодической печати
факультета журналистики МГУ*

Молодежь группы риска в зеркале СМИ. Материалы специального курса для студентов факультетов и отделений журналистики. — Москва, 2008. — С. 104.

ISBN 978-5-94101-210-1

© Союз журналистов России, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная журналистика на сегодняшний день пока что недостаточно внимательна к социальной проблематике в целом, ее более интересует политика, экономический анализ, расследования, или развлечения. Это не значит, тем не менее, что проблемы социума не имеют шансов занять достойное место на газетной и журнальной полосе. Наше общество и наши СМИ проделали значительный и полный противоречий путь за последние двадцать лет, по сути дела, впервые за более чем трехсотлетнюю историю российской журналистики обрели свободу слова, учились приспособляться к работе в условиях рыночной экономики, формулировали новые принципы и правила работы в новых условиях. Не удивительно, что политические и экономические сюжеты отодвинули на время «социалку» на второй план. Не удивительно и то, что жанры и формы материалов, посвященных нашей повседневности, не представляют в большинстве российских изданий многообразия, не претерпели того развития, как, скажем, политический репортаж или даже светская хроника.

Серьезный разговор об обществе в прессе нам еще предстоит. Это неизбежность — как то, что мы непременно развиваемся, стремимся обустроить нашу страну, ищем возможности не выживать, но жить достойно, уважая друг друга, самих себя. Национальные приоритетные проекты, нацеленные непосредственно на совершенствование нашей повседневности, тому подтверждение. Общество учится понимать, что благополучие граждан — первостепенная задача, учится говорить об этом в полный голос. Благополучие страны начинается с благополучия семьи, благополучия детей. То, что в России вообще есть бездомные дети, несовершеннолетние заключенные, правонарушители — трагедия, повинны в которой прежде всего взрослые и общество в целом.. Очень важно, что во многих регионах идет работа по созданию

институтов ювенального правосудия, которое, как, как показывает мировая практика, позволяет эффективно решать проблемы подростков, находящихся в зоне риска. Об этой практике пока что не все знают — хотя все больше центральных и региональных изданий помещают материалы о ней, все чаще тема обсуждается на ЦТ и по радио.

Разработка специального курса для студентов факультета журналистики по проблеме молодежи группы риска стала закономерным результатом сотрудничества факультета журналистики с Союзом журналистов России, который в течение последних лет осуществлял специальный проект по проблеме, частью которого были краткосрочные школы молодых работников СМИ. Составители курса опирались на лучшие традиции отечественной журналистики, их неприменный гуманистический импульс, внимание к человеческой судьбе, а также на уже зарекомендовавшее себя в современной практике сотрудничество журналистов и экспертов.

М.В. Шкондин
профессор, зав. кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Роль средств массовой информации в формировании образа современности, основных ценностных ориентиров и моделей поведения трудно переоценить. В то же время не секрет, что в последнее время пресса, радио и ТВ недостаточно внимательно подходят к освещению многих сюжетов, связанных с повседневными заботами и нуждами людей, фокусируя свое внимание все чаще на событиях из мира большой политики, глобальной экономики, светской жизни и криминального мира. Живые характеры и судьбы зачастую трудноуловимы в калейдоскопе тем и сюжетов, лица современников нередко замещают маски, штампы и стереотипные представления. Один из таких расхожих образов — образ «трудного подростка», «несовершеннолетнего правонарушителя», «малолетнего отморозка», жестокого и неразвитого душевно, способного на самые неожиданные и опасные проявления. Нельзя сказать, что о тех молодых, кто попал по тем или иным причинам в группу риска, говорят мало. Но то, что говорится недостаточно глубоко и аналитически, это факт. Оснований для этого немало — это и ежедневная гонка повседневной журналистской работы, и ориентация многих СМИ на короткий сенсационный репортаж вместо глубокого расследования, и кризис жанров педагогической журналистики, некогда составлявшей славу и гордость отечественной прессы. Имена таких авторов, как Симон Соловейчик, Иван Зюзюкин, Валерий Аграновский, Юрий Щекочихин, Евгений Богат, Инна Руденко, Татьяна Яковлева и другие, внимательно и пристрастно всматривающихся в судьбы и драмы подростков, ищущих не только корни этих драм, но и пути спасения своих героев, и пути решения больных проблем социума, — навсегда останутся в истории российской публицистики. Честно говоря, перечитывая их очерки в старых «Комсомолке» или «Литературке», понимаешь, что не так много в нашей жизни изменилось. И уж точно необходи-

мы столь же сильные голоса в защиту молодых, в защиту нашего будущего. Как необходима консолидация всех здоровых сил общества — будь то ученые, артисты, правозащитники, представители государственных и частных структур — во имя спасения молодых, безо всякого преувеличение! Впрочем, об этом в свое время говорили и Ролан Быков в своем «Чучеле», и Динара Асанова в «Пацанах», и Валерий Рыбарев в щемящем и трагическом «Меня зовут Арлекино», и Юрис Подниекс, чей документальный фильм «Легко ли быть молодым?» стал своего рода метафорой эпохи.

Сегодня о молодежи группы риска говорят чаще всего эксперты и активисты общественных организаций. Несколько лет назад академик Наталья Римашевская обнародовала результаты масштабного исследования качества населения, предпринятого Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН. Вывод был неумолим: нам нужно немедленно спасать наших детей, физически, социально, психологически и ментально, нет более важной задачи для России. Тогда ее лучше всего услышали журналисты и лидеры общественных организаций. Сегодня страна обсуждает реализацию национальных проектов, в которых проблемы молодежи и детства звучат вполне отчетливо. Наверное, несколько лет горячих дискуссий в обществе и СМИ также внесли свой скромный вклад в то, что эти проекты озвучены и внесены в бюджет.

Казалось бы, совсем недавно в Ростовской области несколько энтузиастов открыли первый в России ювенальный суд, и сразу стало понятно, что профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, пресловутое перевоспитание трудных и диковинное для нас примирительное правосудие — не миф и не заморская сказка. Сегодня о необходимости внедрения ювенального правосудия говорят на самом высоком уровне. Наверное, это в том числе результат многолетних усилий всех тех, кто работал с трудными подростками в регионах нашей страны, не уставал убеждать и помогать тем юным гражданам, которые больше всего в этом нуждаются. Небольшая, но очевидная победа всех тех, кому не безразлично будущее страны. В том числе и журналистов.

Свой гражданский и профессиональный долг каждый из нас понимает по-своему. Но многие сходятся в том, что истинная задача журналиста — не только информировать своевременно и по возможности адекватно о происходящем вокруг, но и идти на помощь. Сочувствие и внимание к «маленькому человеку», простому соотечественнику — этим держалась, несмотря на строгости цензуры и многообразии самовластья, российская журналистика десятилетия. Традиция эта не погибла и сейчас — она проступает во многих социальных проектах региональных газет, телекомпаний, в расследованиях и очерках, которые вторгаются в реальную жизнь, помогая решить какую-то конкретную проблему, спасая ту или иную судьбу. В этом — штучном подходе — и видится ключ к будущим победам журналистики. И к будущему — необходимому как воздух — действенному партнерству СМИ и общества в нормализации нашей социальной практики. Два с лишним года Союз журналистов России совместно с благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании» и Ассоциацией университетов и колледжей Канады работал в рамках проекта «Молодежь группы риска РФ». Результатом стали круглые столы и встречи в рамках международного клуба «Гражданин», всероссийский конкурс журналистских работ, собравший более тысячи материалов из всех регионов России. Состоялись две межрегиональные школы молодого журналиста, выпущены две брошюры. В осеннем семестре 2008–2009 учебного года на факультете журналистики МГУ и на отделении журналистики Рязанского госуниверситета начали работать специальные курсы для студентов «Молодежь группы риска в СМИ». В настоящем сборнике собраны материалы, легшие в основу программы курсов. Работа будет продолжена.

*Надежда Ажгихина,
секретарь Союза журналистов России*

ЧТО ТАКОЕ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ?

Ювенальная юстиция — термин международный, обозначающий специализированную систему правосудия в отношении несовершеннолетних. Этот термин в последнее время все чаще используют и российские юристы, часть которых выступает за создание специализированных судов по делам несовершеннолетних, ссылаясь на опыт зарубежных стран и международные стандарты в области правосудия.

В Шотландии в начале XX в. сложилась особая система ювенальной юстиции, которая носит не судебный, а, скорее, административный характер. Специальные комиссии проводят «слушания по делам детей» (Children's Hearing). Коллегия, состоящая из представителей общественности, прошедших специальную подготовку, после обсуждения дела с родителями, работниками социальной сферы, учителями и самим ребенком принимает решение о мерах воздействия, которое может быть обжаловано в суде. Основные черты системы сохранились и действуют и сегодня.

США — историческая родина ювенальных судов, где в 1899 г. в штате Иллинойс были созданы первые специализированные судебные органы по делам несовершеннолетних.

В самом начале существования судов для несовершеннолетних автономная ювенальная юстиция была создана в США, Канаде, Англии, Бельгии, Франции, Греции, Нидерландах, России, Польше, Венгрии, Египте, Японии, Австралии, Новой Зеландии, кантонах французской Швейцарии.

В Германии, Австрии, Испании, Португалии, кантонах немецкой Швейцарии функции опекунских судов были соединены с функциями судов по делам несовершеннолетних.

Некоторые страны пошли по пути создания специализированных составов судей по делам несовершеннолетних. Это про-

---

изошло в Ирландии, Италии, Греции, Швейцарии (кантон Женева), Японии, Новой Зеландии.

Далее система развивалась, претерпевая различные изменения под влиянием сложностей как общего характера, так и в рамках отдельных стран.

Первый суд по делам несовершеннолетних в дореволюционной России был создан в Петербурге 22 января 1910 г. До Октябрьской революции такие суды функционировали в Москве, Харькове, Киеве, Либаве, Риге, Томске, Саратове.

В отличие от судов для несовершеннолетних англосаксонской судебной системы российский «детский» суд ближе стоял к суду уголовного производства.

Суду для несовершеннолетних также вменялось в обязанность осуществлять судебный надзор за работой детских учреждений, принимающих на себя заботу о малолетних преступниках. Это положение соответствовало аналогичной функции суда для несовершеннолетних в США.

В настоящее время ювенальные суды возрождаются в России. Три ювенальных суда работают в Ростовской области и сразу обратили на себя внимание. Специалисты связывают с развитием ювенальной юстиции надежды на совершенствование всей системы правосудия в целом.

МОЛОДЕЖЬ И ЗАКОН: ИЗ КАНАДСКОГО ОПЫТА

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИЕЙ?

Молодые люди нередко сталкиваются с законом в случаях, когда их собственная система взаимоподдержки не работает или неспособна решить именно их проблему и снизить факторы риска.

Вот некоторые факторы риска, с которыми сталкивается молодежь, увеличивающие вероятность столкновения с законом:

Отсутствие стабильного жилья

Алкоголь и наркотики

Насилие (физическое, сексуальное
и/или эмоциональное)

Непосещение школы

Отсутствие работы

Негативное влияние сверстников

Родители не способны обеспечить нормальное существование

Умственные отклонения

Психические отклонения

Бедность нередко определяют как фактор риска для молодежи, поскольку зачастую из-за бедности отсутствуют необходимые виды поддержки, в которых молодой человек нуждается в трудные минуты. Доступ к необходимым услугам для людей из бедной среды нередко затруднен.

Мы приводим эти факторы риска, чтобы объяснить, почему некоторые молодые люди сталкиваются с системой правосудия, в то же время мы понимаем, что факторы риска не служат оправ-

данием преступного поведения. Есть молодые люди, с особенно устойчивым характером, для которых даже наличие одного-двух факторов риска не приводит к криминалу и они способны сами справляться с трудностями.

Наша надежда в том, чтобы разработать такие способы реагирования на потребность молодых, которые ведут к эффективным результатам, то есть найти «работающие способы вмешательства».

КАКИЕ ВИДЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ЭФФЕКТИВНЫ В РАБОТЕ С УКАЗАННЫМИ ПРОБЛЕМАМИ?

Один из подходов в работе с молодежью при оказании социальной поддержки молодым людям, попавшим в систему правосудия, является заполнение формы «Оценка Риска/Потребностей». Это позволяет тем, кто работает с молодыми, определить, с какими именно проблемами сталкивается конкретный человек, и выбрать программу, которая будет отвечать его потребностям. Очень важно определить потребности на ранней стадии, например, если имеет место недостатки умственной деятельности, следует помнить, что эта проблема должна решаться как можно раньше.

«Оценка Риска/Потребностей» как система используется не всегда, поскольку это все-таки требует затрат, но также и потому, что нередко потребности самоочевидны. Канада, как и Российская Федерация, большая страна и отличается по разным регионам.

У нас по-прежнему идут дебаты и проводятся исследования на тему, как лучше реагировать на ту или иную проблему, но приведем несколько примеров вмешательства, которые нам кажутся успешными:

- Консультирование наркозависимых и алкоголезависимых, равно как и программы стационарной терапии;
- Программы по управлению гневом — проблемы насилия и недостатка самоконтроля;

- Когнитивно-поведенческие программы дают успешные результаты при работе с нарушениями поведения;
- Выбор альтернативных форм школьного обучения — чтобы молодежь не бросала школу;
- Программы занятости — помогают вовлечению молодежи в эмоциональную и материальную среду, шаг навстречу выбору в пользу, а не против традиционных социальных норм;
- Альтернативные формы жилья за рамками традиционной семьи. Для некоторых молодых людей именно семейные отношения являются проблемой;
- Ранняя оценка еще в школе возможных трудностей в обучении и специальные программы обучения на основании оценки;
- Посредничество сверстников и поддержка сверстников — специальные программы в школах, помогающие определить проблему и разрешать конфликт на ранней стадии;
- Поддержка с помощью приемлемых культурных форм общения — молодежь нередко находит поддержку в культурных мероприятиях, которые им близки, и в общении со взрослыми.

Перечисленное выше — обобщенный список, существуют сотни различных программ, и их выбор определяется балансом между потребностями и имеющимися ресурсами.

Наиболее важными факторами являются готовность окружающих совместно работать с проблемами молодежи, а также наличие средств для решения этих проблем. Ни в одном сообществе нет достаточных ресурсов и программ, которые их полностью удовлетворили бы, следовательно, необходимо подходить к проблеме практично и уметь сочетать потребности и возможности. Каждое сообщество отлично от других, но ключевым условием для успешной и результативной социальной деятельности является существование механизма систематической консультативной работы в сообществе.

Эффективно могут работать по координации и улучшению социальных услуг для молодежи совместные комиссии из

структур образования, соцзащиты и здравоохранения, родителей делинквентной молодежи и других родителей, участвующих в общественной работе, которые встречаются ежемесячно для обсуждения проблем и путей их решения.

Главное — работать вместе и поставить молодежь на приоритетное место.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В КАНАДЕ СИСТЕМА РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ, И ЧТО ОНА ИЗ СЕБЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ?

С 1908 года в Канаде создавалась система разделения отношения ко взрослым и к молодежи, и тогда же возникла отдельная система правосудия для молодежи — ювенальная юстиция. С тех пор мы значительно изменили нашу ювенальную юстицию, и в 1984 г. в Канаде был принят Закон под названием «Акт о Юных Правонарушителях». Этот переход от «Акта о Малолетних Преступниках», который вступил в действие в 1908 г., к принятию «Акта о Юных Правонарушителях» в 1984 г. означал концептуальный, философский переход от «модели социального патронажа» к более традиционной модели правосудия, при которой более признаны права молодых и дела рассматриваются на публичном форуме под названием Молодежный Суд.

Этот подход на основе прав молодежи в Канаде развивался далее и в 2003 году завершился недавним законодательным действием: «Акт о Молодежном Криминальном Правосудии» (Youth Criminal Justice Act — YCJA).

Две основных цели YCJA — снизить число молодых людей, попадающих под суд, и количество молодежи, попадающей под надзор правоохранительной системы. Все эти нововведения проводились под формулировкой Внесудебные Меры. Ранее действовавшая программа Альтернативных Мер продолжилась и была дополнена новой системой обязательных к принятию мер для полиции. Полиция, которая в Канаде обладает полномочиями выдвигать обвинение и начинать судебные процессы, теперь должна до начала процессуальных действий рассмотреть следующие альтернативные варианты:

- не предпринимать дальнейших действий,
- сделать предупреждение,
- отслеживать принимаемые меры предупреждения, если принята какая-то программа, или
- программу или организацию в сообществе, которая поможет ему/ей избежать совершения преступлений.

В Канаде существуют специально сформированные Молодежные Суды и судьи по делам молодежи. Существуют также директора провинций, офицеры по надзору за условными наказаниями и молодежные специалисты, которые работают либо в сообществах, либо в исправительных учреждениях, их задача — работать исключительно с молодежью. В исправительных учреждениях для молодежи содержится только молодежь и решаются только проблемы молодежи.

Второй поставленной задачей в рамках снижения количества молодых, попадающих в места надзора, было решение вырабатывать альтернативные варианты приговорам с заключением под стражу. Судьи Молодежного Криминального Суда имеют возможность выносить альтернативные приговоры без взятия под стражу:

- дисциплинарное взыскание
- полное освобождение
- условное освобождение
- штраф (после определения возможности выплаты)
- возмещение убытков
- ордер на общественные поруки — обычно в форме общественных работ
- испытательный срок
- программа интенсивной поддержки и надзора (интенсивный испытательный срок)
- посещение специальных занятий вне стационара.

Акт о ювенальной юстиции — YCJA обеспечивает законодательные основания для системы правосудия, которая занимается молодежью и не связана со взрослой системой.

КАКОВЫ ПРЕИМУЩЕСТВА ВНЕДРЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ?

В Канаде система ювенальной юстиции отделена от взрослой уже многие годы, и у нас была возможность оценить все преимущества такого разделения в процессе недавно проведенного анализа законодательства в этой области, что и привело к принятию Молодежного Акта УСJA 1 апреля 2003 года.

Прежде всего, явное преимущество заключается в наличии специалистов, занимающихся конкретно специфическими проблемами молодежи и соответственно изучающих, как лучше решать проблемы молодых. С годами наработан опыт, позволяющий определять проблемы и находить оптимальные и наиболее успешные способы вмешательства для профилактики преступного поведения молодежи.

Когда полицейские, прокуроры, специалисты по работе с молодежью, работники молодежных коррекционных структур специализируются по своей теме, они приобретают огромный опыт отношений с молодежью и в поиске подходов к их проблемам. Чем больше мы работаем в этой сфере, тем выше наша компетентность. У молодежи свои особые потребности, и если система специализируется по проблемам молодых, то проблемы взрослых и молодых не смешиваются. Подростки в переходном периоде переживают другие проблемы и испытывают особые нужды, поэтому наличие специалистов, понимающих проблему, только на пользу.

Важно при этом постоянно помнить о необходимости совместной работы разных специалистов. Нередко профессионалы, будучи высоко компетентными в своей сфере, теряют ощущение и понимание значимости роли других специалистов. Когда специалисты тесно сотрудничают друг с другом как партнеры: образование, социальные службы, психиатрические учреждения и другие структуры поддержки, возникает коллективная инерция движения, которая взаимовыгодна при решении проблем правонарушений среди молодежи.

Одним из скрытых ресурсов в решении проблем правонарушений молодежи являются родители, о которых мы иногда забываем. Молодежный Акт УСJA признает значимость роли родителей в жизни их детей, и в связи с этим, в документ вошли положения, дающие возможность для участия родителей в системе Внесудебных Мер и в судебных процедурах.

Приводим здесь по пунктам несколько преимуществ наличия отдельной системы правосудия для молодежи:

- Законодательство, признающее, что молодежь не является взрослым населением и обладает большей зависимостью и сниженной ответственностью (зрелостью);
- Существуют специальные процедуры защиты: оповещение родителей и особые правила принятия заявлений, помимо других форм защиты;
- Специальные правила, защищающие приватность и защиту анонимности для улучшения условий реабилитации;
- Специализированные службы: прокуроры, судьи Молодежного Суда, специалисты по работе с молодежью, директора провинций по работе с молодежью, работники коррекционных служб и другие службы поддержки;
- Специализация позволяет лучше видеть проблему и ее решения;
- С молодежью занимаются отдельно от взрослых, а значит:
- они защищены от взрослых
- свободны от влияния взрослых;
- Развернутая система несудебных форм решения проблемы с ненасильственными формами нарушений;
- Приговоры, учитывающие специфику молодежи;
- Коррекционные службы приспособлены к особым потребностям молодых.

Боб Лутес,

Королевский адвокат Канады, советник проекта МГР

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Иногда создается впечатление, что ювенальная юстиция является продуктом Западной цивилизации, вследствие чего она не соответствует менталитету, традициям и культуре российского общества. Наиболее последовательные сторонники такой точки зрения утверждают, что широкое внедрение ювенальной юстиции, которая необоснованно отождествляется ими с безнаказанностью противоправного поведения подростков, приведет к моральному разложению подрастающего поколения в России. Очевидно, что такие взгляды отражают взгляды сторонников карательного подхода к уголовной политике, которые основным механизмом противодействия преступности считают ужесточение наказания.

В интересной работе Джона Манси «Глобализация борьбы с преступностью в области молодежной и ювенальной юстиции: Неолиберализм, конвергенция стратегий и международные конвенции», опубликованной во второй главе этой книги, показано, что одним из проявлений глобализации стало распространение в праве и экономике с конца XX века неолиберальных концепций. В уголовной политике неолиберализм предполагает как раз усиление ответственности виновного за противоправное деяние. Таким образом, взгляды российских противников ювенальной юстиции отражают процесс глобализации в уголовной политике, свидетельствуют о том, что Российская Федерация вовлечена в изменения, происходящие в мире. Одним из наиболее значимых изменений системы отправления правосудия в XX веке, безусловно, стало возникновение ювенальной юстиции, которая своей главной задачей признает обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка. Основные положения ювенальной юстиции зафиксированы общепризнанных нормах международного права (Конвенции ООН о правах ребенка, Минимальных стандартных правилах отправления правосудия в отношении несовершеннолетних).

Из сказанного выше следует, что ювенальная юстиция является результатом развития теории права, ее дальнейшее распространение неизбежно и отказ от внедрения ювенальной юстиции в Российской Федерации представляет тщетную попытку остановить прогресс. Наиболее бурно реформирование права происходит в период социальных революций, пример чему служат Великая Французская и Великая Октябрьская революции. Большевики своей целью ставили построение нового государства, в котором, естественно, должно было действовать принципиально новое право. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. установил приоритет в противодействии правонарушающему поведению несовершеннолетних предупредительных и воспитательных мер над уголовно-правовыми мерами. Декрет провозглашал, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются» (СУ РСФСР. 1918. №16. Ст. 227). Для рассмотрения дел об общественно опасных деяниях несовершеннолетних до 17 лет были созданы специальные комиссии. По данным В.И. Куфаева суды в этот период рассматривали не более 10% дел о правонарушениях несовершеннолетних (Куфаев В.И. Педагогические меры в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. М., 1927. С. 165). Таким образом подавляющее большинство несовершеннолетних правонарушителей оказались выведены из сферы уголовной юстиции. В лице комиссий по делам несовершеннолетних, приемных и распределительных пунктов была создана собственная модель ювенальной юстиции. Указанная модель предполагала значительно более глубокую перестройку отправления правосудия по делам несовершеннолетних, чем создание нескольких ювенальных судов в Российской империи в предреволюционные годы. Вероятно, российская, точнее советская, модель ювенальной юстиции 1918 года представляла собой наиболее радикальный, системный вариант отправления правосудия по делам о правонарушениях несовершеннолетних. Безусловно, реформирование правосудия по делам несовершеннолетних в советской России произошло по политическим мотивам, отражало стремление создать принципиально новую юстицию. В то же время оно соответствовало сложившейся криминогенной ситуации, поскольку основными причинами пра-

вонарушений несовершеннолетних в тот период являлись беспризорность и нищета, порожденные войной и разрухой.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и Декрете СНК РСФСР «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» от 4 марта 1920 г. возраст уголовной ответственности был установлен в 14 лет, однако по общему правилу дела о преступлениях несовершеннолетних от 14 до 18 лет должны были рассматриваться в комиссиях по делам несовершеннолетних. Только в том случае, если комиссия придет к заключению о недостаточности мер воспитательного воздействия, она передавала дело органам уголовного судопроизводства для расследования и рассмотрения в общем порядке. Тем самым принцип приоритетности мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних сохранялся.

Статья 18 УК РСФСР 1922 г. и ст. 38 УПК РСФСР 1923 г. установили, что малолетние (лица моложе 14 лет) не подлежат уголовной ответственности; несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет привлекались к уголовной ответственности по постановлениям комиссий по делам о несовершеннолетних только в тех случаях, если комиссия приходила к выводу, что меры медико-педагогического воздействия недостаточно эффективны в отношении данного несовершеннолетнего. Такой порядок привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности был сохранен в ст. 8 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. и в ст. 12 УК РСФСР 1926 г. В 1929-1930 гг. в законодательство были внесены изменения, исключившие возможность передачи дел о преступлениях несовершеннолетних из комиссий по делам несовершеннолетних в суд. До 1935 г. все дела о преступлениях несовершеннолетних младше 16 лет рассматривались комиссиями.

Принципиальное изменение политической и социально экономической ситуации в СССР к середине 30-х годов ознаменовался отказом от ювенальной юстиции., Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» была осуществлена коренная реорганизация законодательства о противодействии преступности несовершеннолетних: нижняя граница возраста уголовной ответственности была снижена с 16 до 12 лет, из уголовного законодательства бы-

ли исключены нормы, устанавливавшие обязательное смягчение наказания несовершеннолетним, допускалось применение к несовершеннолетним всех видов наказания, в том числе и смертной казни. Комиссии по делам несовершеннолетних ликвидировались, вместо них создавались отделы в районных и городских Советах; в органах внутренних дел были созданы специализированные подразделения для работы с несовершеннолетними (детские комнаты).

Сказанное выше позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, у Российской Федерации есть собственный опыт широкого внедрения ювенальной юстиции. Во-вторых, реформирование системы уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних отражает политические приоритеты и социально-экономическую ситуацию в стране. Последнее обстоятельство имеет объективный характер. Высокий уровень преступности, особенно насильственной и корыстной, крайне болезненно воспринимается населением. Социологические опросы последнего времени свидетельствуют о том, что большинством российских граждан преступность рассматривается как наиболее опасное социальное явление. Однако противодействие преступности требует содержания правоохранительных и судебных органов, системы пенитенциарных учреждений, что ложится тяжелым бременем на бюджет. В связи с этим принципиальное значение приобретает повышение экономической эффективности профилактической и правоохранительной деятельности. Во второй главе книги убедительно показано, что ювенальная юстиция является экономически более эффективной, чем традиционный подход, отдающий приоритет мерам рестриктивного и карательного воздействия.

Исторически сложилось так, что в Российской Федерации после периода широкого развития ювенальной юстиции в первые послереволюционные годы ювенальные технологии длительное время не развивались. В результате этого Россия из лидера в области ювенальной юстиции превратилась в страну, вынужденную обращаться за опытом отправления правосудия по делам несовершеннолетних к другим государствам. Однако в Ростовской области это отставание в области методологии и методики ювенальной юстиции практически преодолено. Отставание сохраняется в масштабах распространения ювенальных технологий, которые до настоящего

времени остаются недостаточным. Причины ограниченного внедрения ювенальной юстиции в значительной мере связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, с необходимостью финансирования дополнительных ставок судей и их помощников, психологов, работающих в ювенальном суде, а также с реконструкцией имеющихся или строительством новых помещений для ювенальных судов. Во-вторых, необходимо «легализовать» ювенальную юстицию — создать на федеральном уровне правовую базу для деятельности специализированных судов по делам несовершеннолетних. Вследствие отмеченных выше обстоятельств развитие ювенальной юстиции в Российской Федерации происходит в регионах, прежде всего в тех, где она встречает поддержку со стороны администрации.

Ювенальная юстиция не может ограничиваться исключительно отправлением правосудия по уголовным делам. Привлечение подростка к уголовной ответственности является результатом длительного процесса семейного неблагополучия. Таким образом, актуальной задачей ювенальной юстиции в Российской Федерации становится защита прав ребенка в семье с использованием средств гражданскоправового регулирования. Именно такая защита, известная в социальной работе как раннее вмешательство, позволяет добиться наилучших результатов в долгосрочной перспективе. Средства, затраченные на раннее вмешательство, позволяют добиться наиболее значительного экономического эффекта через максимально полное сохранение человеческого потенциала.

На этапе преодоления демографического кризиса ювенальные технологии становятся обязательным элементом социальной политики государства. Только применение ювенальных технологий в рамках раннего вмешательства позволит получить ожидаемый результат от значительных средств, направляемых из бюджета на повышение рождаемости. Таким образом, широкое внедрение ювенальной юстиции в Российской Федерации неизбежно, поскольку диктуется логикой развития социально-экономического страны. Наша задача заключается в том, чтобы сократить слишком затянувшийся период внедрения ювенальной юстиции.

Е.И. Цымбал
директор ЦПМСС «ОЗОН»

КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ РЕБЁНКА

**Принята Генеральной Ассамблеей ООН
20 ноября 1989 года**

ЧАСТЬ I

Статья 1

Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

Статья 2

1. Государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией, за каждым ребенком, находящимся в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств.

2. Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения защиты ребенка от всех форм дискриминации или наказания на основе статуса, деятельности, выражаемых взглядов или убеждений ребенка, родителей ребенка, законных опекунов или иных членов семьи.

Статья 3

1. Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспе-

чения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

2. Государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры.

3. Государства-участники обеспечивают, чтобы учреждения, службы и органы, ответственные за заботу о детях или их защиту, отвечали нормам, установленным компетентными органами, в частности, в области безопасности и здравоохранения и с точки зрения численности и пригодности их персонала, а также компетентного надзора.

Статья 4

Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в настоящей Конвенции. В отношении экономических, социальных и культурных прав государства-участники принимают такие меры в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов и, в случае необходимости, в рамках международного сотрудничества.

Статья 5

Государства-участники уважают ответственность, права и обязанности родителей и в соответствующих случаях членов расширенной семьи или общины, как это предусмотрено местным обычаем, опекунов или других лиц, несущих по закону ответственность за ребенка, должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных настоящей Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка.

Статья 6

1. Государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь.

2. Государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка.

Статья 7

1. Ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу.

2. Государства-участники обеспечивают осуществление этих прав в соответствии с их национальным законодательством и выполнение их обязательств согласно соответствующим международным документам в этой области, в частности, в случае, если бы иначе ребенок не имел гражданства.

Статья 8

1. Государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи, как предусматривается законом, не допускающая противозаконного вмешательства.

2. Если ребенок незаконно лишается части или всех элементов своей индивидуальности, государства-участники обеспечивают ему необходимую помощь и защиту для скорейшего восстановления его индивидуальности.

Статья 9

1. Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например,

когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка.

2. В ходе любого разбирательства в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи всем заинтересованным сторонам предоставляется возможность участвовать в разбирательстве и излагать свои точки зрения.

3. Государства-участники уважают право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка.

4. В тех случаях, когда такое разлучение вытекает из какого-либо решения, принятого государством-участником, например при аресте, тюремном заключении, высылке, депортации или смерти (включая смерть, наступившую по любой причине во время нахождения данного лица в ведении государства) одного или обоих родителей или ребенка, такое государство-участник предоставляет родителям, ребенку или, если это необходимо, другому члену семьи по их просьбе необходимую информацию в отношении местонахождения отсутствующего члена/членов семьи, если предоставление этой информации не наносит ущерба благосостоянию ребенка. Государства-участники в дальнейшем обеспечивают, чтобы представление такой просьбы само по себе не приводило к неблагоприятным последствиям для соответствующего лица/лиц.

Статья 10

1. В соответствии с обязательством государств-участников по пункту 1 статьи 9 заявления ребенка или его родителей на въезд в государство-участник или выезд из него с целью воссоединения семьи должны рассматриваться государствами-участниками позитивным, гуманным и оперативным образом. Государства-участники далее обеспечивают, чтобы представление такой просьбы не приводило к неблагоприятным последствиям для заявителей и членов их семьи.

2. Ребенок, родители которого проживают в различных государствах, имеет право поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями. С этой целью и в соответствии с обязательством государств-участников по пункту 2 статьи 9 государства-участники уважают право ребенка и его родителей покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. В отношении права покидать любую страну действуют только такие ограничения, какие установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения или прав и свобод других лиц и совместимы с признанными в настоящей Конвенции другими правами.

Статья 11

1. Государства-участники принимают меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из-за границы.

2. С этой целью государства-участники содействуют заключению двусторонних или многосторонних соглашений или присоединению к действующим соглашениям.

Статья 12

1. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка.

2. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Статья 13

1. Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка.

2. Осуществление этого права может подвергаться некоторым ограничениям, однако этими ограничениями могут быть только те ограничения, которые предусмотрены законом и которые необходимы:

для уважения прав и репутации других лиц; или

для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), или здоровья или нравственности населения.

Статья 14

1. Государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии.

2. Государства-участники уважают права и обязанности родителей и в соответствующих случаях законных опекунов руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка.

3. Свобода исповедовать свою религию или веру может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц.

Статья 15

1. Государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний.

2. В отношении осуществления данного права не могут применяться какие-либо ограничения, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопаснос-

ти или общественной безопасности, общественного порядка (ordre public), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 16

1. Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию.

2. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства.

Статья 17

Государства-участники признают важную роль средств массовой информации и обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. С этой целью государства-участники:

поощряют средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношении, и в духе статьи 29;

поощряют международное сотрудничество в области подготовки, обмена и распространения такой информации и материалов из различных культурных, национальных и международных источников;

поощряют выпуск.

ПРОСТРАНСТВА ВЗРОСЛОЙ ЖЕСТОКОСТИ

*Самыми безжалостными людьми являются взрослые,
забывшие свое детство.*

Приговор короткой человеческой памяти

Проблема защиты прав ребенка неотрывна от проблемы жестокости в отношении детей. И сегодня проблема жестокости отнюдь не становится менее актуальной, чем ранее, несмотря на общемировой гуманитарный прогресс.

До настоящего времени, к сожалению, не приходится говорить о способности большинства взрослых преодолеть и тем более предупредить проявления жестокости в отношении даже своих собственных детей.

Взрослые зачастую даже не замечают нарушения прав ребенка и своей жестокости по отношению к нему. Вот простейший пример: мама спешит домой, ребенок хочет еще поиграть, она его шлепает — и это уже нарушение его права на неприкосновенность.

Из таких мелочей, незаметной на первый взгляд бытовой жестокости, равнодушия и непонимания образуются сначала ручейки, а затем мутные потоки произвола и насилия по отношению к детям во многих сферах нашей жизни.

Новорожденный ребенок влюблен в этот мир. Он приходит в него чистым и непорочным. И беззащитным перед опасностями, угрозами и насилием этого мира. Мир взрослых делает его жестоким, способным к насилию. Так продолжается нескончаемая эскалация насилия.

Российская статистика по отношению к детям выглядит, мягко говоря, неутешительно. Ежегодно становятся социальными сиротами десятки тысяч детей, и количество социальных сирот в России приближается к 800 тысячам. Можно возмущаться тем, что гибнут усыновленные за рубежом российские дети, од-

нако не следует забывать, что от нечеловеческой жестокости своих собственных родителей в России гибнет каждый год до 2,5 тысячи детей.

Исследования проблемы насилия в семье и в интернатных учреждениях позволили сделать следующие основные выводы:

- проверки детских интернатных учреждений, как правило, обнаруживают отсутствие многих воспитанников, которые скорее готовы жить на улице, чем в четырех стенах интерната, зачастую в неласковой обстановке, далекой от атмосферы душевного тепла;
- основной причиной детской безнадзорности и беспризорности, ухода ребенка на улицу из семьи являются невнимание и жестокое обращение с ним его собственных родителей и их пренебрежение своими обязанностями;
- возможно более раннее предупреждение случаев жестокого обращения должно производиться помимо семьи во всех учреждениях так называемой территории детства, включая детские сады и школу.

Таким образом, снижение жестокости в отношении детей жизненно необходимо, поскольку только в этом случае мы сможем рассчитывать на снижение жестокости и преступности в мире вообще.

Однако успешно решать проблему снижения жестокости можно, только имея в виду три основных фактора успеха:

- Возможно более раннее выявление неблагополучия.
- Социализирующая направленность действий (нацеленность на выработку способности ребенка и его семьи в дальнейшем к самостоятельному решению своих проблем).
- Налаживание взаимодействия между структурами, работающими в интересах ребенка, с одной стороны, и ребенком и его семьей — с другой.

Три названных фактора очевидны, однако дадим краткий комментарий.

1. Чем раньше обратить внимание на проявления жестокости, чем раньше начинать помогать ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, и его семье, тем легче это сделать.

Проще всего вернуть с улицы тех подростков, которые только что оказались там из-за родительского невнимания или той же жестокости и пока не живут на улице. Государственные структуры не могут обеспечить нужный объем услуг. И здесь неоценима роль институтов гражданского общества. Множество неправительственных организаций (НПО), активно действуя на территории, способны на ранней стадии обнаружить проблему и помочь в ее решении.

2. Помощь должна в качестве результата приносить снижение нуждаемости ребенка и его семьи в услуге. Необходимы подходы, позволяющие родителям увидеть, что применяемые ими меры являются непомерно жесткими в отношении их ребенка и они возвращаются ответной жестокостью ребенка по отношению к миру взрослых. Подчас необходимо и подсказать родителям необходимые в различных ситуациях подходы, позволяющие укрепить семью, сделать ее самостоятельной.

3. Лучше всего можно помочь, не манипулируя, не командуя ребенком или семьей, не наказывая их, а адресуясь к их способности к самостоятельным и осмысленным решениям и действиям, обучая и вовлекая в обучение, прививая стремление к познанию нового.

Все пространство, где находится ребенок, можно условно разделить на четыре части: семья, улица (община), учреждения, школа. Кратко остановимся на каждой из этих частей.

СЕМЬЯ

Казалось бы, семья — достаточно благополучное для ребенка пространство. Всем известна истина, что нигде ребенку не может быть так комфортно, как в кругу семьи. Однако в реальности все далеко не так очевидно, иначе дети не убегали бы из дома.

Семья — весьма автономный и даже закрытый для общества институт (не случайно, существует выражение «Мой дом — моя крепость»). Однако внутри этой крепости зачастую ребенок воспринимается как собственность родителей, а не как равноправный и даже привилегированный субъект.

Вмешательство в жизнь семьи нарушает ее автономию и автономию личностей — членов этой семьи. Поэтому нарушение этой автономии может происходить в нашем случае только тогда, когда имеются определенные симптомы неблагополучия.

Но и вторжение это должно быть не репрессивным, а социализирующим, ориентированным на выработку семьей способности в дальнейшем к самостоятельному разрешению своих проблем.

Таким образом, при взаимодействии с семьей необходимо исходить из сочетания нескольких принципов:

приоритета семейных форм воспитания;

автономии семьи;

раннего, но не репрессивного, а социализирующего вторжения.

ШКОЛА

Школа сегодня остается одним из наиболее мощных социализирующих институтов. Однако и школа далеко не всегда способна быть достаточно эффективной помощью ребенку не только в усвоении необходимых знаний, но и в социализации (воспитании).

Вовсе не редки случаи, когда дети, особенно в подростковом возрасте, прогуливают школьные занятия.

Слишком часто выпускник школы с облегчением вздыхает: «Наконец-то отмучился!»

Только постоянный поиск и внедрение инноваций, позитивно воздействующих на становление и развитие современной, демократически ориентированной личности, позволяет рассчитывать на усиление роли и места школы в системе образования и воспитания.

Школа сегодня может и должна стать местом апробации и внедрения технологий позитивного ориентирования в жизни. Одна из таких технологий, активно развивающихся в регионах России, — технология общественно активных школ, построенная на трех основных элементах:

- внедрение инновационных технологий построения толерантных и взаимно уважительных отношений в школе;
- демократизация процесса управления учебным заведением (которая включает прежде всего прозрачность управления и регламентированную открытость для участия в управлении и учеников, и их родителей);
- выстраивание конструктивного и партнерского взаимодействия школы с окружающим ее местным сообществом.

УЛИЦА (ОБЩИНА)

Улица — это также одно из самых уязвимых пространств сегодня в большом количестве стран. Именно здесь ребенок, оказавшийся без внимания взрослых, нередко становится добычей и жертвой преступного мира наркодельцов, современных работорговцев, порнобизнеса, подвергается многим другим опасностям. Поэтому так важно сформировать и всемерно развивать сети государственных и негосударственных служб, работающих с ребенком, не оставляющих его без внимания.

Главенствующим здесь становится принцип социального насыщения работы с ребенком.

Службы работы на улице, а также вне семьи и школы — то, что позволяет входить в контакт с ребенком на раннем этапе его появления на улице, общаться с ним, начинать помогать ему и его возвращению в семью. В России в течение нескольких лет ряд НПО осуществляли проекты, позволившие опробовать имеющиеся в мировой практике и создать свои собственные подходы и социальные технологии успешного разрешения множества конфликтных ситуаций с несовершеннолетними, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, и их семьями. Это прежде всего технологии примирения между правонарушителем и его жертвой, элементы восстановительного правосудия, а также многочисленные реабилитационные программы. И можно лишь с сожалением констатировать, что опыт таких организаций, как, скажем, Фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), специалисты которого еще в 1998 г. разработали Концепцию реабили-

тационного пространства и в пилотном режиме отработали адаптированную для российских условий технологию социальной работы с детьми на улицах, в семьях, в реабилитационных программах, в судах и т.д., до сих пор внедряется в социальную практику с большим трудом.

УЧРЕЖДЕНИЯ

Практически любое общение ребенка со специализированными государственными учреждениями должно быть по возможности минимальным.

Дом малютки, приют-убежище, интернат, центры временного содержания несовершеннолетних, специализированные школы, места лишения свободы — в любом из этих учреждений ребенку неуютно, в них нет семейного тепла и есть опасность насилия. Каждому ребенку больше всего на свете нужна семья.

Нодар Хананашвили,
заместитель председателя Ассоциации
благотворительных организаций России

НАЙТИ СОБЕСЕДНИКА

29 МАЯ 2007 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЕ
МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Павел Гутионтов, секретарь СЖР

Начну с нескольких цитат. Когда-то в «Алом Парусе» мы с коллегами придумали некую анкету, которую предлагали авторитетным, на наш взгляд, взрослым, чье мнение мы хотели донести каким-то образом до наших читателей. Время было, как тут уже говорили, неоднозначное, а на мой-то взгляд, так просто трудное, и наиболее авторитетных, на наш взгляд, людей нам было безумно трудно вытащить на нашу страницу по той простой причине, что авторитетные на наш взгляд люди не считались таковыми для той власти, которая существовала в стране. Особенно авторитетные люди вызывали совершенно обоснованные подозрения. Итак, мы придумали анкету, четырнадцать вопросов, которые задавали взрослому человеку, те нам отвечали, и мы их печатали. Вопросы были разные. «Кто-то утверждает, что человеку достаточно прочесть за жизнь тринадцать книг, правда искать их надо всю жизнь. Ваш список на сегодня?». Или «Можно ли мечтать о собственном памятнике?». И вот я договорился, нашел телефон, нашел человека, который замолвил за меня словечко, предложил ответить на эти вопросы Булату Шалвовичу Окуджаве, человеку, который в то время был безмерно популярен среди интеллигенции, несравнимо ни с чем, что вы знаете сейчас, никакой Дима Билан и близко не лежал. Но официально он не появлялся ни на экранах телевизоров, ни в газетах, ни в журналах, он как если бы был, а на самом деле как будто бы его и не было. Его тихонько не допускали до печатного станка. Книжки его выходили очень редко, крохотными тиражами, разбирались в основном большими начальниками, даже до

библиотек не доходили. Окуджава при этом был человеком очень гордым, очень независимым, очень обидчивым, очень ранимым, и очень не любил журналистов. Поэтому моя задача была безумно сложна. Во-первых, Окуджаву не печатали, а во-вторых, он сам не хотел, чтобы его печатали. Меня к нему направил человек, которому он не мог отказать, Окуджава меня принял, трудно со мной говорил. Для начала он мне сказал: я забыл вас предупредить, что я не разговариваю с журналистами до того, как они мне не покажут отпечатанные на листочке все вопросы, какие они мне хотят задать. У вас есть такой список? — Я сказал. — Нет. Он сказал, — Ну, давайте в счет тех сорока минут, о которых мы с вами договорились, сядьте и напишите. И я стал ковырять пером, сочинять лихорадочно вопросы. Надо сказать, для меня визит к Окуджаве — это было некоторое явление, как говорится в одном анекдоте, это как вам, — скрипач говорил чекисту, — пострелять из пистолета Дзержинского. Для меня это было ощущением очень серьезным. И я, значит, ковыряюсь с этими вопросами, время мое идет. Окуджава не поленился принести нам по чашечке кофе, я хлюпаю кофе. Ну, а молча сидеть неудобно, я задаю какой-то вопрос, он на него отвечает, завязывается какой-то разговор, и я понимаю, что это тот самый разговор, который мне безумно нужен. Передо мной лежит диктофон, я тыкаю пальцем в клавишу, он скосил глаза на диктофон, ну и продолжаем разговаривать. Потом говорит, — что, не мытьем так катаньем?

— Ну, так получается.

— Ну давайте, попробуем.

Короче говоря, мы с ним проговорили почти три часа. После меня через сорок минут явился корреспондент журнала «Юность», покойный уже, Леша Дидуров, которого он, оказывается, гонял шестой раз с вопросами, которые его не устраивали. Леша сидел на кухне и ждал своей очереди, но очереди не дождался, потому что через два часа пришли итальянские журналисты, и от нас, отечественных, непатриотичный Окуджава избавился. Нотекст я унес. Потом я изложил его на бумаге, связался с Окуджавой. Он уже в это время был на отдыхе в Прибалтике, и мне оттуда передал, — не печатать. Я это говорил вам, а не ва-

шим читателям. Передал поправки — огромные. Но, тем не менее, это все было набрано, и сначала наше руководство материал сняло из номера, потом покалечило, выкинуло многое, но кое-что осталось. И выяснилось потом, через много лет, что это интервью было первым большим интервью Окуджавы в центральной печати за многие годы, и это даже попало в книгу официальной библиографии Окуджавы.

Но я начал это большое предисловие, для того чтобы привести вам очень короткий ответ Окуджавы на очень короткий вопрос. Тем более важно для меня, что этот вопрос вместе с ответом был немедленно выброшен редактором. Читатели «Комсомольской Правды» его не узнали. Вопрос был такой, — Какая потеря в шестнадцать лет самая страшная? Окуджава ответил двумя словами: «Крушение иллюзий».

Это потрясающий ответ, особенно если знать биографию самого Булата Шалвовича. В шестнадцать лет он, выросший в семье очень крупных партийных работников, революционеров, занимавших крупные должности, оказался практически сиротой. Отец был расстрелян, а мать посажена на десять лет в лагерь. Жил у чужих людей. Вот это были его шестнадцать лет, его иллюзии, которые кончились. Я потом подумал о том, что крушение иллюзий, — вещь очень тяжелая не только в шестнадцать лет, но и в любом другом возрасте. Некоторые доживают с иллюзиями до семидесяти, до восьмидесяти и расстаются с ними, как говорят, у гробовой доски. И это тоже вещь очень нелегкая. Но, на мой взгляд, — по опыту жизни, по опыту встреч, я склонен думать, что люди с иллюзиями, они, в общем-то, интереснее, и полезнее, скажем так, нежели люди, от иллюзий избавившиеся. Особенно мне это кажется важным, когда мы говорим о нашей с вами профессии. О жестокой, очень тяжелой, очень неприятной часто профессии, которая называется журналистика. Мой очень хороший, наверно один из самых больших друзей в моей жизни, замечательный журналист Юрий Щекочихин, погибший три с половиной года назад при невыясненных обстоятельствах, он был наполнен в корне противоречащими нашей профессии качествами, он работал, повторяю, анти-профессионально, так работать нельзя. Он, например, безумно любил собственных геро-

ев. Он каждого из этих героев, извините за эти высокие слова, пускал не только в свою квартиру, когда они приезжали в Москву, но и в сердце. Он начинал с ними дружить и дружил со всеми, он был собирателем людей. Профессиональный журналист так работать не должен, не может. Он не может относиться к каждому как к человеку самого ближнего своего круга. Иначе он быстренько растратит все свои силы, которые нужны для чего-то другого. А он работал только так, по-другому он не умел. Каждый человек, который входил хоть краешком в его жизнь, оставался в этой жизни навсегда. Если только посчитать тех людей, с которыми он познакомился, изъездив весь мир по журналистским командировкам, если посчитать только тех, с которыми он перезнакомил своих друзей, то это будут сотни, ежели не тысяча людей. С которыми он когда-то познакомился, которых оставил в своей жизни и сделал частью жизни своих друзей. Это антипрофессионально. У него была иллюзия, что журналистика — это не профессия, что это образ жизни, как он говорил. Он засовывал руки в карманы джинсов, его было легко передразнивать. «Ж-журналистика — это не профессия, это образ жизни». Этому тоже научить нельзя. И не надо учиться — у кого-то получается, у кого-то не получается. Но он так и жил.

Вот эти иллюзии, сохраненность вот этого романтического, наивного, мальчишеского взгляда на жизнь, на профессию, на то, что он писал, на то, чем он занимался — эта иллюзия сохранилась до последних минут его жизни. Пока он был в сознании, был именно таким. Так не может быть. Откройте любую газету и увидите, насколько цинична, насколько жестка, насколько неромантична лучшая сегодняшняя журналистика наша. А вот он каким-то образом умудрялся, и это сочеталось с его невероятной цепкостью, невероятным бесстрашием, невероятным правдолюбием, невероятным умением добиваться своего, невероятным умением находить себе врагов (кто-то так и сказал на поминках: Юра был крайне неразборчив в выборе врагов). Он никого не боялся и погиб в свои пятьдесят три года.

Это по поводу иллюзий. Я призываю вас по мере сил сохранять хотя бы некоторые иллюзии, некоторые из которых, не считите, что я сейчас противоречу сам себе, для настоящего журна-

листа, в общем-то, обязательны. Еще один мой друг, мой первый начальник, заведующий моего первого отдела, мой старший товарищ, Александр Аронов, замечательный поэт, нецененный еще Россией, он когда-то у себя в кабинете написал на листке бумаги и повесил над своим столом пять тезисов о сходстве между профессией журналиста и водопроводчика. Тезисы настолько замечательные, что я их вам сейчас постараюсь вспомнить. Тезис первый: гениальных водопроводчиков не бывает. Тезис второй: даже самая извилистая труба не обязательно самая надежная. Тезис третий: водопроводчик имеет право думать, что он работает за трешку, но на самом деле это не так. Четвертый тезис — много воды это тоже плохо, и пятый тезис — совсем без воды нельзя. Мне кажется, в этих пяти тезисах, составленных в 1969 году в прошлом веке, сформулирован едва ли не идеальный конспект учебника по теории журналистики. В общем, там все сказано. Особенно важен сегодня третий тезис про водопроводчика, который имеет право думать, что работает за трешку. Да, профессиональный журналист работает прежде всего именно за трешку. Как слесарь работает не из любви к черному металлу, он работает, прежде всего, из необходимости получать металл презренный, для того чтобы кормить себя и свою семью. Но журналист, который работает только за деньги, он оказывается, как правило, социально опасным. Потому что максимально хорошие деньги платят, как правило, за минимально приличные дела. Я не рискну сказать, что чем богаче журналист, тем он отвратительнее внутренне, но по закону больших чисел, практика показывает, что наиболее обеспеченные журналисты оказываются, как правило, наиболее уязвимы с точки зрения искренности того, что они пишут, честности их, бескорыстии. Журналист может стремиться получать больше денег за написанное, но он не имеет права изменять написанное для того, чтобы получить больше. Это может быть тоже из разряда иллюзий, но я думаю, что предел существует. Один из крупнейших журналистов и, в общем-то, еще и наших современников, один из замечательнейших деятелей нашего цеха, я имею в виду Александра Евгеньевича Бовина (вы можете спросить каждый у своих родителей, сказать слово Бовин, и они его вспомнят, глаза у них потепле-

ют). Это был огромный, толстый человек, усатый такой, Бальзак, Портос, кто угодно, умница, международный обозреватель газеты «Известия», куда его выгнали за вольномыслие из ЦК КПСС. Он был главным фигурантом лучшей, наверно, информационной программы тогдашнего советского телевидения «Международная Панорама», где он садился в расстегнутой рубашке (он никогда в жизни не носил галстуков) толстый, и говорил очень уверенно, очень точно, и не то, что надо, а то, что он думал. А думал он очень хорошо. Он был потом, после газеты «Известия», первые пять лет после установления дипломатических отношений, нашим послом в Израиле. Это было огромное счастье для Израиля, где все его любили самозабвенно. Несмотря на то, что он был достаточно резок в выражении своих мыслей, слово «Бовин» открывало любые двери. И была огромная удача нашего внешнеполитического ведомства, которое, к сожалению, не решилось использовать эту удачу дальше. Так вот, однажды мы сидели в этом доме с Александром Евгеньевичем, с которым я имел честь быть достаточно дружен, и я у него спросил, — Александр Евгеньевич, скажи, а когда-нибудь тебе взятку предлагали? Он задумался, так как он ко всему серьезно относился, и сказал, — понимаешь, Паша, я тоже над этим думал. Ты знаешь, беда в том, что надо было нам с тобой начинать заниматься этим полезным делом раньше. Потому что вот сейчас нам с тобой предложить деньги, мало — вроде как неудобно, а много — мы с тобой пока не заслужили. Все, говорит, начинать надо с самого начала, с молодых ногтей. Если ты с перовых шагов не начал работать за копейку, и в зависимости от этой копейки не начал писать то, что тебе заказывают, и только это, то в дальнейшем начинать тебе будет трудно. Это горестное признание одного из лучших людей нашего цеха, впрочем, несколько обнадеживает. Потому что у меня есть надежда, что не до каждого из начинающих уже успели добраться люди с крепким бумажником, и что многие из начинающих в связи с этим смогут пережить достаточно трудные времена, не пережив которых настоящим журналистом, в общем-то, и не стать. В этом смысле мое поколение было в намного более выгодном положении, нежели ваше. Мы приходили в, общем-то, бедные газеты, в нищие газеты, где нас

гоняли почем зря. Потом мы переходили в газеты получше, газеты, в которых был командировочный фонд, благодаря которому можно было гонять по всей стране. В основном в «Комсомольской Правде», я изездил практически весь тогдашний Советский Союз. На сегодняшний день в России существует только два региона, в которых я ни разу не был, в бывшем СССР областей таких, регионов может быть три или четыре. Во многих местах я был раз по пятнадцать, по шестнадцать раз, по двадцать. Двадцать три раза я был в командировках в Якутии. И так далее, и так далее. Это были разные командировки. Сейчас таких командировок не бывает. Сегодняшние газеты бедны, а те, которые не бедны — не тратят деньги на пустые поездки своих корреспондентов. Сейчас журналист ездит в командировки по трем или четырем поводам — на войну, на катастрофы, на саммиты... в общем-то, и все, пожалуй. Больше они не ездят никуда. А мы ездили по так называемым читательским письмам. Газета «Комсомольская Правда», когда я из нее уходил, а я уходил в 1985 году, за предыдущий год получила один миллион сто с лишним тысяч писем. Я это хорошо помню, потому что на каждое читательское письмо там прикалывалась карточка — карточка учета, контроля, и на каждой карточке стоял номер. И вот эти карточки были отпечатаны на целый год, они были отпечатаны на один миллион номеров. И карточки закончились, а письма продолжали приходить. Письма были разные. Масса писем. «Алый Парус», когда я там работал, получал до семи-восьми тысяч писем в месяц. Там были самые разные письма. Были письма со стихами, были письма с идиотскими вопросами — как казалось нам, взрослым людям. С каких лет можно гулять с мальчиком, и так далее, и так далее. Мы, как нам казалось, остроумно отвечали, — с того самого момента, когда перестанет хотеться задавать подобные вопросы, — и так далее. Но тем не менее, среди них была масса писем очень серьезных. Пресса не была никакой четвертой властью, в стране не было никакой власти, кроме одной-единственной. Пресса была лишь департаментом этой власти. И может быть, самым человекообразным департаментом. Когда у человека не было возможности добиться справедливости нигде, он уже походил по судам, по райкомам партии, написал в ЦК,

написал лично Леониду Ильичу Брежневу, и никто ему не ответил, и никто ему не помог, человек садился и писал: «Дорогая «Комсомолка»...», «Дорогие «Известия»...», «Уважаемая газета «Правда»...», «Уважаемая газета «Рыбинский Вестник»...». Последней надеждой была газета. Надежды газета оправдывала далеко не всегда. Мы не могли всем помочь, мы не могли помочь даже многим. Это был, наверно, некий в общем тоже и обман, но некоторым мы помогали. Кому-то мы помогали. Мы добивались, была рубрика в газетах, условно говоря, «Газета выступила — что сделано». Называется «последухи». Тогда на выступление газеты обязаны были ответить. И нам отвечали — такой-то самодур уволен, такому-то дали квартиру, такого-то отпустили из тюрьмы, и так далее, и так далее. Это были случаи немногие, из миллиона писем мы спасали, мы помогали двум сотням людей в год, а печатали еще меньше подобных материалов. То есть это было издевательство по закону больших чисел, но для тех двухсот людей приходилось работать. Журналист выезжал в командировку, проводил подлинное журналистское расследование по городам, весям, в деревнях, встречался с людьми, и так далее, и так далее. Тогдашний журналист, работавший в газете, имел право сказать, что он знает жизнь. Он знал, сколько стоит и чего стоит доехать до деревни в Вологодской области, он знал, сколько стоит билет на самолет-«Кукурузник» АН-2, от Марьян-Мара до Хорейвера, и так далее, и так далее. Относительно недавно, когда начались бомбежки в Югославии натовские, газета «Известия» послала туда молодого, очень энергичного, очень растущего своего журналиста, чтобы он оттуда передавал материалы. Журналист приехал в Белград и там пропал. Он не передавал день, второй, третий, в газете заволновались, стали его искать. Наконец его нашли, он безмятежно сказал, — здесь ничего не происходит. Писать не о чем. Падают бомбы, но ничего не происходит. Потому что он привык, что если что-то происходит, это происходит только в компьютере, в Интернете. Выросло поколение журналистов, которые умеют собирать материал только в Интернете. Это очень заметно по страницам газет. Сбор материала, реального, доставание реальных документов, а не тех, которые тебе принесли люди специально для того, чтобы ты напи-

сал то, что им надо, а который надо самому достать, встречи с людьми, умение разговаривать с людьми, умение разговаривать людей, умение брать интервью — это искусство у очень многих журналистов пропадает. Вернее, они не успевают ему научиться. Посмотрите внимательно любую газету, посмотрите, какие интервью берутся, с кем разговаривают журналисты газеты. Это заблуждение думать, что главная задача журналиста, который берет интервью, — найти себе умного собеседника. Просто кажется так, что вот я пришел к умному человеку, он мне все наговорит, а мое дело только записать. Это не так. Самый умный человек будет выглядеть дураковато, став собеседником неумного журналиста. Это проверено миллион раз. Человек, даже умный, даже самый умный, даже самый популярный, наполненный самыми интересными мыслями, но который кочует из газеты в газету, не даст вам хорошего интервью. Не потому, что он плох, не потому, что ему надоело думать, но просто после пятого интервью у него уже накатались в голове определенные накрутки, он будет говорить одними и теми же словами, одни и те же мысли. Я близко знаком, я его очень люблю, с одним из самых замечательных наших современников, доктором Леонидом Михайловичем Рошалем. Он был никому неизвестен совсем недавно, неизвестен относительно. В книге «Кто есть кто в мире» абзац о Рошале был длиннее, чем абзац о госсекретаре Соединенных Штатов. Но в стране его не знали. Ему надо было пойти в «Норд Осте» на переговоры с бандитами, рискнуть своей жизнью, чтобы стать известным и нам. Тогда у него интервью никто не брал. Я видел, какими замечательными были первые интервью, которые были напечатаны не помню, где, по-моему в «Известиях», Татьяна Батенева взяла у него интервью. Это безумно умный, своеобразный мужик, не со всем можно было согласиться, но это безумно было интересно. А потом, как из пушки, все начали печатать интервью с Рошалем. Где угодно — на все вопросы отвечает Леонид Михайлович, если что-то случилось в мире, надо бежать к Леониду Михайловичу и спросить, что он по этому поводу думает. И сейчас его очень скучно читать, смотрите. Мы, журналисты, перетратили человека. Но это все можно выручить, если к нему придет человек, который сможет задать ему совсем

другие, совсем какие-то новые для него вопросы. Вопросы, которые заставят его думать вместе с журналистом. Умение задавать вопросы — вообще самое важное для журналиста, равно как и умение не задавать вопросов, на которые сам знает ответы. Это очень заметно, когда журналист берет интервью у кого угодно, от Филиппа Киркорова до президента Путина, и задает вопросы, на которые ответы сам знает прекрасно, ответы на которые ему самому услышать уже даже неинтересно. Повторяю, самое интересное, когда собеседник думает вместе с журналистом. Но для этого надо найти, во-первых — собеседника, который думает, надо еще самому журналисту немножко уметь это делать. Это очень трудно. Этому надо безумно долго учиться. Это иногда не получается, даже когда безумно долго учишься. Опыта такого сегодняшняя наша пресса практически не дает. Она резко сузила возможности для журналиста общаться с людьми. Общение только, повторяю, на войне и на катастрофах, оно не достаточно. Поэтому газета, сегодняшняя газета, обобщенная наша такая большая газета, она декларирует отказ от проблем маленького человека. Зачем? Ну что мы должны писать о том, как живет Вася Пупкин в деревне Пупкино Пермской области? Мы должны писать о глобальных вещах. Мы должны писать о серьезных вещах, которые интересны не только Васе Пупкину в пермской деревне, но и всем остальным ваям пупкиным. Но так не получается. Самые знаменитые материалы, которые я читал в своей жизни, которые писали мои коллеги, самые знаменитые, — были написаны о часто крохотных фактиках. Инна Павловна Руденко в 1983 году написала материал под названием «Долг», материал об инвалиде афганской войны, о парне, которому оторвало две ноги, и который приехал в родной город и не мог добиться, чтобы ему поменяли квартиру со второго этажа на первый, так как инвалидной коляски ему никто не дал, а со второго этажа спускать его на первый было некому. И как его все шпыняли и как его гоняли. Инна Павловна написала душераздирающий материал под названием «Долг», о том, как этому парню чиновники говорили, — не я тебя в Афганистан посылал, — и как всем было на это наплевать. А если учесть, что по цензурным соображениям у нас не писалось о том, что солдаты гибли и даже бывали ра-

нены в Афганистане, это был сам по себе прорыв безумный. Инна напечатала этот огромный материал, и первое, что она услышала утром, это был звонок зам. зав. отдела ЦК КПСС, который курировал прессу, — Инна, Вы допрыгались, Вы допрыгались. Вся твоя газета допрыгалась. Все. Вы за все это получите. И бросил трубку. Но через полчаса произошло чудо, вот удача, которая бывает раз в сто лет. На материале Инны Руденко едва не умирающий тогда уже Генеральный Секретарь Черненко написал дрожащей рукой: «Прекрасный материал. Разобраться, доложить, всех наказать». И тут же тот же сотрудник ЦК позвонил той же Инне и сказал, — Инночка, я тебя поздравляю. Потрясающий материал!

Вот это о частном случае. А можете ли вы назвать такой материал из сегодняшних? Вряд ли. Я убежден, что я читаю газеты больше, чем вы, не потому, что я умнее, просто у меня работа такая. Я тоже не знаю сегодняшних журналистов, которые бы могли написать материал об отдельно взятом человеке, об отдельной его проблеме, об отдельной его беде. А тогда это была целая отрасль нашей журналистики, самая почетная, самая дельная. Специальный корреспондент газеты, который ездил и писал об этих мелких случаях, это был самый уважаемый человек в газете. У нас в Союзе журналистов в нашем коридоре висят портреты всех лауреатов премии нашего Союза с момента учреждения этой премии, с 1967 года. В разные времена эти премии вручались, многие из наградений были конъюнктурные, за партийные пропагандистские материалы в газете «Правда» или в других правдах. Но в общем-то все те, кем наш цех должен гордиться и гордится до сих пор, все они на этих стендах есть. Я убежден, что эта журналистика, о которой я сейчас говорю, которая сейчас не востребована, она вернется. Мы сделали гигантский шаг в сторону журналистики факта, журналистики информационной, журналистики, которую исповедует весь мир. Это серьезное наше достижение, серьезный наш прорыв. Я читаю лекции на факультете журналистике одного московского университета, и я постоянно каждому курсу задаю риторический вопрос — знают ли они, какое было самое малоупотребительное слово в советской журналистике. На самом деле самым непопулярным

словом в советской журналистике было слово «вчера». Вчера ничего не происходило. Вчера мог выступить Генеральный Секретарь, вчера могли сыграть в хоккей. Все остальное — это были материалы такого альманашного плана. Такая была литература документальная. Можно было напечатать материал сегодня, а можно через два месяца — ничего бы не изменилось, ни в материале, ни в оценке. Сейчас откроете газету, любую газету, сейчас все материалы со словом «вчера». Наоборот. Как написал «Коммерсант» в 1990-м году — все, что было позавчера, для нас не существует, все материалы пишутся в номер. Все должно быть привязано к сегодняшней минуте. Так, в общем-то, выходят все газеты во всем мире. Мы догоняем в этом смысле мировую практику. Это очень полезно, потому что информационная насыщенность сегодняшней газеты несоизмерима с информационной насыщенностью газет советского периода. Но при этом мы потеряли очень важное. То, что было только в нашей журналистике, именно из-за нашей специфики, и чего не было нигде в мире. Из-за чего (и сейчас это очень хорошо видно, когда мы общаемся с элитой мировой журналистики) мы видим каждый раз, насколько профессионализм лучших российских журналистов был выше профессионализма лучших журналистов иностранных. Просто у них были разные профессии. От нашего журналиста того времени требовалось не только умение быстро изложить факты, донести факт, требовалось написать хорошо литературно, требовалась знать немножко язык, уметь писать, излагать мысли, главное, чтобы эти мысли были, и требовалось очень много думать. К тому же была цензура очень серьезная, цензура внешняя и цензура внутренняя. Надо было обмануть эту цензуру. Умение писать между строк — это было великим талантом той журналистики. Но это заставляло выбирать единственные лучшие слова. Журналистика, не привязанная к информации, к сиюминутной информации, заставляла очень серьезно разбираться в том, о чем ты пишешь. Когда-то лучший журналист двадцатого века, в этом я абсолютно уверен, Анатолий Абрамович Аграновский, специальный корреспондент «Известий», умерший в начале восьмидесятых, отвечал на вопрос — Почему

ты не можешь написать сто строчек в номер? — У меня не хватает мыслей.

Попробуй кто-нибудь сегодня сказать, что у него не хватает мыслей написать стострочную заметку — да кто ж ты такой, гнать тебя из газеты. Аграновский печатался раз в три месяца в газете, но каждый раз это было событие, о котором говорили годами. Есть люди, которые могут перечислить по памяти все до единого материалы Аграновского. Писал он невероятно хорошо, просто писал чисто литературно. Я своих студентов попросил почитать несколько очерков Аграновского, продиктовал им, что именно чтобы они прочитали, чтобы потом устроить некий разбор полетов. Выяснилось, что никто из них не прочитал ко времени, когда они явились на занятия, они сказали, что его нет в Интернете. Аграновского издавали очень серьезно, у него были многие книги. Но в Интернете действительно нет, в Интернете они нашли только один-единственный очерк, причем не из лучших, хотя, конечно, тоже хороший. Я заклинаю вас, если вы доберетесь не до Интернета, а до библиотеки, возьмите любой томик Аграновского, Анатолия Абрамовича, и почитайте его с любой страницы. Вы прочитаете два абзаца, и вы уже не оторветесь. Это журналистика, которая давно уже ушла, он пишет о проблемах, которые давно мы уже забыли. Но он писал о жизни, он писал о людях, писал о мире, писал...в общем-то, своим золотым пером он писал на бронзе в веках.

Сегодняшняя журналистика, она тороплива, она легкомысленна, как и, в общем-то, во всем мире. Во всем мире журналист — это не самая уважаемая профессия, за что уважать журналиста? Журналистика — удел молодых, быстроногих, невнимательных, нелюбопытных. Надо быстро ухватить факт и со всех ног нести его в родную газету, тиснуть на полосу. Но только так не должно быть. И я думаю, что грядущие успехи бумажной прессы в возвращении к тому, старому опыту. Потому что ни Интернет, ни радио, ни телевидение газете не обогнать — она выйдет завтра утром, а вы уже успеете послушать информацию по радио и посмотреть в «Последних новостях» в ящике и тем более в Интернете. Но, как утверждают умные специалисты, ученые, газета и телевизор действуют на разные участки мозга. И это заряжает

оптимизмом: газету ничто не заменит. Газету, которую читают, Интернет не заменит. Но газета для этого должна найти что-то свое, то, с чем не сможет ей составить конкуренцию никакой электронный друг. А что это может быть? Это может быть внимание к отдельному человеку. Внимание к его жизни, внимание к его проблемам. Раньше, — я, видите, как тот самый старый Мазай, который заболтался в сарае, — я все вспоминаю, как было хорошо раньше. Конечно, не было хорошо раньше. Была очень тяжелая жизнь. Так за каждые строчки, за каждые абзацы, не говоря уже о материалах, приходилось бороться. Бороться со своими собственными начальниками, и так далее, и так далее. ... Это ломало судьбы многим людям. Потому что ничто не ломает судьбу журналиста больше, нежели испохабленные, изуродованные его публикации.

Ну по моим наблюдениям, круг интересов сегодняшней молодежи, он не сильно отличается от круга интересов молодежи двадцатого века, девятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого. Это взаимоотношения полов, это становление себя среди ровесников. Это взаимоотношения со взрослым миром. Это мода. Это, как кажется сегодня, актуальное течение идей, с которыми бороться бессмысленно, потому что они, как показывает историческая практика, вымирают только самостоятельно. Вот круг этих тем, он и сегодня, с поправками на техническую оснащенность сегодняшнюю, на существование Интернета, существования огромного пласта проблем, связанного с Интернетом, ну вот это вот все.

Вопрос. Рекомендуете какие темы поднимать?

Павел Гутионтов. Это растущий человек в том мире, который представляется ему в общем недоброжелательным, непонимающим его. Отношения со взрослыми, отношения внутри круга сверстников. Мы, помню, в начале 80-х вызвали безумный шквал почты, несколько десятков тысяч писем пришло. Короткое письмо, которое было названо нами «Порядочных вещей нет». Парень пишет: «У меня нет друзей, потому что у меня нет джинсов, нет магнитофона. Мне не с кем общаться, я не могу общаться с людьми». Когда мы начали раскручивать тему, на нас спустила всех собак Академия педагогических наук, тогда еще

существовавшая, мол, вы полагаете, что нормальному человеку может не оказаться места в обществе только потому, что у него нет джинсов и магнитофона? А так оно и было. Оказывалась интересна не тряпка сама по себе, не звукозаписывающая аппаратура, но некие знаки, это как система «свой-чужой» на военном самолете. Если ты не знаешь каких-то определенных мелодий, некоторых игр, некоторых понятий, некоторых слов, тебе действительно не найдется места в коллективе ровесников. И это тоже важно, это тоже надо понимать, и об этом тоже надо думать.

Вопрос. Я даю материал, его читают и говорят — да ты что, этого не может быть. Человек работает в корпункте уже порядка десяти лет. Почему такое недоверие? Или это специально, как я думаю, или, может быть, я ошибаюсь.

Павел Гутионтов. Это было всегда и, наверное, всегда будет. Это совершенно ничем не оправданное высокомерие людей, которые думают, что раз они сидят в Москве, наверху, то они знают больше и понимают лучше, чем те, кто это видит. Я вам скажу, что то же самое происходит не только у нас. Мне жаловался один из лучших специалистов по России в международной журналистике, мой друг Джон Кохан, который многие годы возглавлял бюро журнала «Тайм» в Москве, о том, что он передает в журнал «Тайм» о происходящем у нас, а его тексты исправляют, сокращают люди, которые даже ни разу в Москве не были и не представляют, о чем идет речь. Это вполне естественно. Это связано ко всему прочему еще и с тем, о чем я говорил вначале. Московские журналисты стали меньше ездить, они стали реже бывать в тех местах, где на что-то им могли бы открыться глаза. С этим надо бороться, их надо переубеждать. Никаким указом доверие не вводится. Но надо писать хорошие заметки и пытаться их печатать.

Вопрос. Знаете, у нас нет проблем с материалом. Наоборот, у нас очень много очерков, много интервью. Есть такая полоса, где мы всегда помогаем. У нас идет общение с нашим читателем. А вот новости вселенского масштаба, которые в принципе людям интересны, имеет ли смысл печатать в местной газете? Это мой первый вопрос. И второй вопрос, как вы думаете, каково наиболее гармоничное сочетание жанров газеты?

Павел Гутионтов. Я начну с ответа на второй вопрос. Это определяется методом проб и ошибок внутри самой газеты. В разных газетах, в хороших газетах, это соотношение разное. Может быть очень хорошая газета, в которой будет превалировать новость, и может быть очень хорошая газета, в которой будет превалировать, как говорили, социалка, анализ, размышлизмы, и так далее, и так далее. Этим-то газеты и должны отличаться друг от друга, не может быть одной модели. Что же касается первого вопроса, вам не следует думать, что ваши начальники вас будут всегда понимать и одобрять. У начальников тоже трудная судьба, у них есть свои начальнические представления о том, что должно быть. Им кажется, что больше всего мир интересуется тем, что они, начальники, думают, и что они, начальники, делают. Идеальная газета в представлении начальников — это газета, где будет написано все о том, что они делают, что они подписывают. И так далее. К сожалению, легких побед на этом пути я вам не обещаю.

Вопрос. Вы очень долго рассказывали, как было раньше. Захотелось, может быть, родиться в то время...

Павел Гутионтов. Все равно не получится, не надо.

Вопрос: И вы сказали о том, какое доверие было, которое сейчас потеряно. И так же вы сказали, что мы все-таки вернемся к этому, потому что это востребовано. Скажите, пожалуйста, что надо сделать.

Павел Гутионтов. А мне казалось, что я как раз об этом говорил — не о том, как было хорошо и как я вам сочувствую, а о том, что вам надо кое-что из того, о чем я говорил, перетаскивать в сегодняшний день. Что вам больше надо думать о людях, писать материалы об их конкретных проблемах. и что именно на этом пути, как мне кажется, все ваши успехи грядущие.

Вопрос. Я хотел подключиться как раз по этому вопросу. Я с вами полностью согласен, что будущее, наверное, хорошее будущее российской журналистики, оно идет отсюда. Может, ребята и обижу своим выступлением, но считаю, если раньше, положим, ребята приходили в журналистику с целью самовыразиться, то сейчас они приходят получить публикации для поступления. К тому же сейчас у них в школе спрашивают, — какой у вас

гонорар за ту или иную статью? Когда я был школьником, таких вопросов не задавали. Не потому, что нам деньги были не нужны. Мы работали...

Павел Гутионтов. Я попробую оправдать сегодняшних ребят, в наше время были тоже разные люди. Некоторые приходили с широко открытыми глазами и пытались самовыразиться, а другие искали рекомендацию для поступления на факультет. Кстати говоря, когда мы приходили, школьникам принципиально не платили денег. Все было очень просто. Хотя, если бы платили, масса было бы желающих поработать только ради денег.

Вопрос. Скажите пожалуйста, цензура в настоящее время, или во времена Брежнева, Черненко, когда Вы работали, была сильнее или слабее?

Павел Гутионтов. У меня такое убеждение, что она мало зависит от внешнего устройства ограничивающей журналиста организации. Мне, в общем-то, не сильно мешал уполномоченный Главлита, который сидел в здании «Известий» до августа 90-го года. Мне больше мешала трусость моего непосредственного начальника, например. Мне больше мешала моя собственная трусость, когда я сам себя ограничивал. Начальники разнообразные и собственная трусость, собственное неумение, что тогда были, что и сейчас остались. Это победить труднее. Давление извне на газету, оно может увеличиваться, может уменьшаться, но не было такого случая, чтобы оно пропало совсем.

31 мая 2007 г.

Олег Зыков, член Общественной Палаты РФ, президент Благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН)

Я не знаю, кто-то смотрел в воскресенье передачу «Времена» Познера? Так случилось, что я принимал в ней участие, и темой была демография. Каждый раз, когда поучаствуешь в такой программе, возникает ощущение внутреннего напряжения в силу того, что ты что-то не договорил. Эфирное время проходит очень быстро. Выступал господин Миронов, руководитель Совета Федерации с его некими идеями, инициативами, о которых я тоже скажу, и которые мне не нравятся совсем. Мы там поспорили в эфире, и очевидно совершенно, что внутреннее мое напряжение сохранилось до сегодняшнего дня. Сейчас я воспользуюсь случаем, чтобы договорить то, что я не договорил в эфире. Тема демографии, это очень любимая сейчас тема в политических кругах, начиная с прошлого послания Президента. Вот люди, сто сорок два миллиона, сколько у нас сегодня есть — не решают проблему заселения, огромные территории нужно заселять, эту территорию, иначе мы типа потеряем, часть этой территории. Вот, собственно, отправная позиция беспокойства власти, и в этом пафосе как раз прослеживаются те базовые, системные ошибки, которые существуют в политике нашего государства. То есть до этого человек вообще не рассматривался как фактор какой-то там, территориальный, экономический. Ценна была только собственно нефть. Надо нефти больше, чего-то там еще больше, а то, что нефть должны люди добывать, причем профессиональные люди, те, которые получают образование и которые будут соответствовать по своему интеллектуальному и профессиональному уровню этому процессу, да еще желательно, чтобы они развивали эту самую экономику, вот это куда-то уходило на второй план все время. И вдруг обнаружилось — нет, все-таки нужны люди. Нефть сама по себе не добудется, там еще какие-нибудь процессы не произойдут,

это человек должен сделать — позитивный, социально активный, умный, правильный, экономически и нравственно соответствующий тем задачам, которые есть в обществе. И вот возникла эта тема, тема человека. Но человека как экономического и территориального мяса? И естественно, как только возникла тема демографии, возникла еще одна тема: какова система отношений в нашем обществе между государством и гражданином? Они партнеры, или они враги? Государство существует как инструмент обслуживания общества, которое состоит из граждан, из людей, или государство исключительно механизм организации неких репрессий, неких агрессивных действий в отношении гражданина по факту того, что этот гражданин не выполняет какие-то правила и нормы? Мы исторически недавно были тоталитарным государством, и там других отношений, собственно, не было. Там вообще не было гражданина. Там был некий винтик, инициатива была наказуема, мы должны были все действовать по каким-то правилам, отчасти писаным, а в большей степени неписаным, и мы все эти правила знали. Когда я со своим двадцатилетним сыном это обсуждаю, он меня не понимает. Потому что для того, чтобы это понимать, надо было там пожить. Когда все правила у тебя в голове, и ты знал — вот это можно, а это нельзя. К концу тоталитарного периода это приобрело откровенно шизофренический характер. Я тогда был молодой врач, заведовал отделением в наркологической больнице. Здесь в Москве есть гигантская больница на три тысячи коек, тринадцатая. Каждый вторник был политдень, единственный, у всех вообще, в наркологической больнице тоже. Берешь «Правду» и зачитываешь передовицу. То есть собирались мои больные, алкоголики-наркоманы, я молодой доктор, беру эту «Правду» и читаю передовицу. Вот представьте эту картину. Чистая шизофрения. Шизофрения, в которую мы все играли, по-другому было вести себя нельзя. Если бы я не прочитал передовицу, я перестал бы быть заведующим отделением. Конечно, вот эта схема отношений человек — ничто, государство — все, она, безусловно, не могла никуда деться, она должна было сохраниться в какой-то форме, притом, что тоталитарного государства по формальному признаку как будто бы нет, партии и правительства нету, центров влияния как будто бы много.

Мы, конечно, не демократическое государство, мы такое авторитарное государство на этом переходном этапе. Вообще каждый раз, когда меня спрашивают, — а вот что у нас, типа, с демократией, происходит, вот мы отходим от демократических принципов? — я говорю, — да мы к ней никогда и не приходили. Потому что демократия — это прежде всего продукт ментальности людей, нас с вами. Если основная часть общества сохраняет иждивенческую позицию считает, что государство должно за них решить их проблемы, а государство при этом реализует ведомственное мышление. — Да-да, мы решим, только завтра, вы нам денежки свои дайте, а мы завтра решим ваши проблемы. То есть такая патерналистская позиция. Естественно, в этой схеме иждивенчества и патернализма невозможно появление людей свободно мыслящих, реализующих себя, потому что всегда эта пара будет друг друга аккумулялировать таким образом, потенцировать друг друга и создавать условия к тому, чтобы свободные граждане не рождались. И конечно, в этой системе само государство может выступать только в качестве агрессора. И основным инструментом этой агрессии является судебная система. Судебная система не рассматривает человека как ресурс общества, то есть мы как общество заинтересованы в том, чтобы, это возвращение к теме демографии, каждый человек мог реализоваться. И это, собственно, главная идея позитивной демографической политики. Не нарожать дополнительных людей, которые непонятно, как себя поведут, потому что механический подкуп женщин, он, скорее всего, приведет к появлению дополнительных маргинальных групп населения. Так было исторически. В нашем собственном государстве, кстати, в восьмидесятые годы это было. Это многие страны прожили. Механический подкуп приводит к тому, что рожают те, кому на детей наплевать, кому деньги нужны. И, как правило, это маргинальные группы. И мы ведь наблюдаем: понятие ответственного родительства — это ключевая же тема. И вместо того, чтобы холить и лелеять идею ответственного родительства, стали женщин подкупать. Ничем хорошим это не закончится, безусловно.

Вот в этой системе ключевым инструментом репрессивного механизма взаимоотношения государства и общества является судебная система. И судебная система, как и все государство, во-

обще не рассматривает человека как субъекта процесса. Вот он объект — территориальный там, экономический и, к сожалению, в этой схеме обязательно возникает тема тюремного мяса. Потому что в паре иждивенчество и патернализм не рождается позитивная социальная политика. Значит, она все время проваливается, потому что деньги тратятся на ведомства, ведомства не занимаются решением проблем, у них нет такой задачи, у них есть задача только получить деньги и отчитаться за них. И вся ваша политика, в частности детская, она и основана на этой идее. Во всех ваших городах есть дурацкие программы — по алкоголизму, по наркомании, по преступности. Ведомства дают свои предложения, формируется программа, на следующий год они отчитываются, к детям это никакого отношения не имеет. Это имеет отношение только к потреблению средств. Это бездонная бочка. Сколько бы туда не дали, они все равно это потребят и отчитаются на следующий год. Это их внутренняя жизнь. А ребенок — его вообще нельзя поделить на беспризорника, наркомана, преступника, — ребенок и ребенок. Ему плохо в семье, он выходит на улицу, улица предлагает свои сюжеты. Станет он преступником или подвергнется насилию, это все вторично. Проблема-то внутри семьи, конфликт внутрисемейный приводит к тому, что ребенок выбирает из двух зол меньшее. Ведь уход на улицу — это всегда зло, там же плохо изначально. Но в семье настолько плохо, что он выбирает это зло. И таким образом формируется вся система отношений.

Так вот ювенальная юстиция, он предполагает построение правовой системы, где в центре ребенок и его судьба. То есть сегодня вся политика, она строится на этом ведомственном принципе, где рассмотрение судьбы конкретного ребенка вообще не предусмотрено. Здравоохранение занимается детьми-наркоманами, МВД — преступниками, то есть группами населения по ведомственному принципу. Там нет идеи, там нет этой механики, там нет этой процедуры, которая рассматривала бы судьбу ребенка, и на основании судьбы ребенка делали бы вывод, что нужно изменить, вот в этом конкретном городе, Волгограде или Йошкар-Оле. Политика в отношении несовершеннолетних, она не должна строиться сверху вниз, она должна строиться снизу вверх, от судьбы конкретного ребенка. Причем рассмотрение судьбы конкретного

ребенка должно иметь две направленности. С одной стороны, оптимизировано выработать революционную программу в отношении ребенка, причем ответственную программу, за которую будут отвечать все системы. Судебное решение, оно предполагает ответственность конкретного человека за выполнение тех или иных функций. Ювенальный суд, он как раз и делает именно это. Он рассматривает судьбу конкретного ребенка, вырабатывает оптимальное решение, как помочь этому ребенку в трудной в жизненной ситуации, причем границы между ребенком-преступником и ребенком-жертвой не существует. Преступление детей — это всегда протестное поведение. Сегодня он жертва, завтра он преступник, или наоборот. Он ребенок, он будущий гражданин, и общество заинтересовано сохранить его как гражданина. Значит, судебное решение должно быть программой реабилитаций, а не программой репрессий в отношении ребенка. При этом суд должен сделать вывод, а что нужно изменить, и через час на определение суда предписать, что господин Иванов, мэр города, не сделал вот этого, а господин Петров, директор школы, выгнал его, не выполнив соответствующие законы, а вот родители не сделали еще чего-то третьего, и так далее. Подчас полезно сохранение семьи, а не разрушение семьи. То есть каждый раз любые действия ювенального суда — повод что-то изменить сегодня и сейчас в той системе отношений, которая есть сегодня и сейчас. И не на какую-то далекую перспективу, а вот сегодня и сейчас что нужно поменять в этом городе, в этой деревне, в этом поселке. Но какая же должна быть связь между судебным решением и реабилитационным потенциалом, насколько должен быть информирован судья, насколько он умен и просвещен? Откуда их взять. Так вот, если не создать правовую среду, условия, чтобы они там появлялись, они никогда и не появятся. Всегда будут тупые насильники. Вот я только что занимался делом девочки, которую посадили в рязанскую исправительную колонию за одну таблетку амфетамина. Причем все это была провокация Госнарконтроля. Госнарконтроль — ведомство, которое заинтересовано только в одном, чтобы оправдать свое существование. Сорок тысяч сотрудников — чего-то делать надо? При этом они еще конкурируют с сотрудниками МВД, МВД эффективно занимается оборотом наркоти-

ков, а эти несильно, а отчитаться надо. И вот оттуда появляются всякие глупости, они на самом деле доходят до маразма. Начинают ловить, ветеринаров, вы знаете эти дела, если следите. Сейчас я делом химиков занимаюсь. Есть химические заводы, которые делают марганцовку. Теоретически марганцовку можно использовать при изготовлении наркотиков, но это надо сильно как-то связать. Госнаркконтроль связал, и стал арестовывать директоров химических заводов, и пересчитал эту марганцовку на наркотики, которые можно теоретически из нее сделать. И потом сказал, что они поймали наркомафию — это директора заводов химических, да? И таким образом, варварство какое-то, они разрушают химическую промышленность России таким образом. И понятно, почему они это делают, потому что им нужно отчитаться. А вы знаете, сейчас новая кампания, они собираются запретить энергетические напитки, Госнаркконтроль только что выступил. То есть все время рассматривается не человек с его выбором и попыткой повлиять на него, а что-то вне человека, какое-то химическое вещество, героин. Героин что, сам по себе враг? Да нет, не враг, это химическое вещество, на самом деле в определенной дозе и определенных обстоятельствах это лекарство, вы знаете, в онкологии обезболивающее, морфийная группа, химическое вещество вообще не может быть врагом. И не надо с ним бороться. Общество против наркотиков — бред сивой кобылы. Мы боремся с химическими веществами — бред. Мы можем бороться только с самими собой, с нашим выбором, нашим пониманием того, как этот выбор сделать позитивным. И как увидеть в любой ситуации ресурс личности. Особенно ребенку, если говорить о ювенальной юстиции. Нет, мы начинаем переносить наши проблемы вовне. Вот виноват героин, оказывается, а наркоман заражает пятнадцать детей. Даже чтобы вшами заразить, и то нужно, чтобы человек не мылся какое-то время. Как можно заразить наркоманией? Это же твой выбор, значит, ребенок не имеет границ собственной личности, не уважает собственный выбор. Ему предлагается наркотик, он соглашается. Но в этом процессе трагичным является его согласие взять, а не чье-то желание дать. Поэтому основная проблема всегда — это воспитание личности, которая способна сопротивляться негативным явлениям в обществе, и главная задача

семьи — воспитать в человеке уважение к собственному выбору. А это на самом деле педагогическая технология. Если вы, у кого есть дети или будут дети, будете им все время приказывать, значит, они уйдут на улицу, и на улице им кто-то прикажет. То есть эту модель насилия внутрисемейного они перенесут на улицу. А если вы будете всегда не только любить — это само собой разумеется, но еще и уважать своего ребенка, уважать его позиции, его мнения и общаться с ним как с личностью, то он станет самостоятельной личностью. Будете ему внушать, что выбор, это самое главное, но другой вопрос, что ты должен делать этот выбор на основе понимания своей выгоды. А тебе выгодно быть здоровым, быть успешным, а не больным и бедным, и так далее. Но самое-то главное, самое главное, что у него есть границы, через которые никто не имеет права переступить, включая его близких. Это святое — уважение к границам личности человека. Кстати, это очень эффективно с точки зрения дальнейшего хода событий. Вот, я уже упоминал, у меня сыну двадцать лет, сейчас это взрослый состоявшийся человек, он личность. И мне было очень тяжело выдерживать этот ритм, особенно когда пять, шесть лет, никогда ничего не приказывать и только объяснять. Ребенок склонен все время искать, он в поиске границы дозволенного и недозволенного, а я должен был в диалоге все время с ним находиться и рассказывать о своем опыте, и так далее. Я тратил на это время, эмоции, чувства, но я понимал, что это воздастся сторицей. И сегодня, когда он ко мне подходит и чего-то такое пытается сказать, — я говорю, — извини, это граница моей личности. Это же всегда обоюдный процесс, — ты не имеешь права. И он понимает, о чем я говорю, потому что я всегда уважал границы его личности. Мы две личности, и мы взаимодействуем в семье. Мы любим друг друга, это мой любимый сын, но мы и уважаем друг друга. Я никогда его не рассматривал как будущего человека. Я всегда его рассматривал как человека, как личность по факту того, что он существует.

Вот такие же отношения должны быть построены между государством и человеком, а тем более маленьким человеком. Сегодняшняя судебная система, она рассматривает любого из нас как объект для репрессий. Ты совершил правонарушение, мы тебя накажем. Ну там более справедливо, или менее справедливо. Вот

случай с этой девочкой, о которой я уже говорил. Госнарконт-роль подставил ее, продал таблетку, а потом купил одну таблетку. А судья, посадила ее на два с половиной года в воспитательную колонию. Зачем, зачем она сотворила эту чудовищную вещь, кому выгодно было посадить эту девочку из интеллигентной семьи на два года в колонию? Чтобы она из колонии вышла бандиткой, ну кому это выгодно? Тем не менее судья действовала в той схеме, в какой действует сегодняшний наш суд вообще. Он рассматривает исключительно факт правонарушения, ему не интересен человек, не интересна его предыдущая жизнь. Я сейчас занимался еще новгородским делом, молодая мама якобы сбросила в пролет свою девочку. Сайты в Интернет были забиты информацией по этому делу. Да, да. Я там написал в письме, ну как же так? Ведь до этого она ее любила, ничего там не происходило, были интеллигентные родители, ну там гражданский муж, какая разница? Она ее любила. Как можно рассматривать эту ситуацию вне контекста предыдущей жизни человека? Ну да, там есть какой-то одиннадцатилетний мальчик-свидетель, что якобы она столкнула ее с третьего этажа. Ну давайте в этом разбираться. А мотива там никакого не было, она любила своего ребенка, зачем ей убивать этого ребенка? Он ей не мешал совсем, ее гражданский муж ее любил, ее мама говорила, что она может у себя оставить этого ребенка, пока молодая мама эта хотела в университет поступать. А та сказала, — нет, я хочу, чтобы она жила со мной. То есть вся ее жизнь говорит, что у нее не было мотива, и она психически нормальный человек. И мне на самом деле не сильно интересно, что там видел одиннадцатилетний ребенок, я понимаю, что эту ситуацию можно сохранить. Потому что главная задача всегда — сохранить семью, чтобы ни произошло. И если есть хоть малейший ресурс сохранения семьи, это надо делать. Потому что главной истиной для нас всех является сохранение нас всех. И прежде всего семей наших. А когда судебная система действует только в логике «Вор должен сидеть в тюрьме», она делает то, что она делает, она чудовищные вещи творит. А для меня, безусловно, лозунгом является другое — «Вор должен перестать воровать». Это принципиально разные вещи, особенно если речь идет о детях. Потому что ребенок ворует не потому, что он криминаль-

ная личность, а потому что его сделали таковым обстоятельства. Его поставили в такое положение. И криминальное поведение — это социальная болезнь, которую надо лечить, а не тот момент, когда ребенка надо уже от имени государства изнасиловать. Что является главной питательной средой для насилия? Закрытость. Закрытость семьи, закрытость интерната, закрытость тюрьмы. Вот еще одна редкая глупость — давайте всех детей построим в ряды-колонны, создадим вот эти, как они называются? — кадетские корпуса, и решим все проблемы. Я сейчас занимаюсь каждый день историями в этих кадетских корпусах, потому что большего насилия, чем в этих кадетских корпусах, нигде не наблюдается. Там никого не интересует, кто педагог. Никого не интересуют программы, которые там есть, никого не интересует ребенок, который ходит там строем, интересуют разве что крашенные стены, ну, там, питание. Кормят везде хорошо, кстати. В результате коверкаются человеческие судьбы, коверкаются человеческие личности. Мы в Общественной палате регулярно занимаемся судьбой этих детей. Это же неизбежное продолжение всей системы отношений в обществе. При этом, конечно, в армии есть своя специфика, своя особая питательная среда, которая порождает насилие. Нет, мы не порочим ни общество, ни армию, мы говорим, что — они, генералы, создали питательную среду для того, чтобы на самом деле дети, в восемнадцать лет же их призывают, насиловали друг друга и коверкали друг друга в этой армии. А при этом их еще заставляют работать на собственных там дачах и так далее. Нет справедливости, нет чести, нет совести, вот тебе и армия, понимаете? То есть на самом деле дискредитируются какие-то святые, очень важные, очень нужные для общества вещи. Меня, например, бесит, что патриотами являются в основном подонки. Патриотизм — это хорошо, это замечательно, но кто у нас патриоты? Фашисты, националисты, вот они там с хоругвями, с криками, с воплями, и таким образом дискредитируется патриотизм. Очень важно, чтобы тема патриотизма, без пафоса, без напыщенности, она присутствовала в нашем пространстве. Вот вы будущие журналисты?

Светлана Свистунова. Да, молодые. Некоторые уже работают в газетах.

Олег Зыков. Отлично. Вы не должны чураться этого слова — патриотизм. Мы просто должны взять его себе в арсенал, это слово, но придать ему совершенно другое значение. Потому что для меня патриотизм, это прежде всего уважение к личности. И я считаю, чем больше мы сделаем для того, чтобы в обществе была позитивная система ценностей, основанная на идее уважения личности, тем мы будем патриотичнее. Я совершенно не являюсь представителем сексуальных меньшинств, не случилось этого в моей жизни, вот так вот, я вполне натурал. Но вот эта вся история с битьем гей-парада, под крестами, именем Бога, именем православия — просто возмутительно. Если они задумали, эти люди, дискредитировать православие, они это сделали. Вообще у меня есть очень близкие мои друзья, православные батюшки, которые хорошо понимают, что как только православию придается национальный оттенок, главные ценности православия выхолащиваются. У православия нет никакого национального оттенка, и быть не может. Нет никакого русского православия, есть просто православие. А когда эти люди — националисты, шовинисты, — начинают узурпировать православие, они выбивают из-под ног нашего общества наиважнейшие нравственные ценности, на которые мы могли бы опереться. Имею в виду нашу культуру, нашу нравственность, нашу позицию. И поэтому для меня все эти вещи, а их много, и я могу бесконечно об этом говорить, сегодня упираются в одну понятную и простую для меня технологическую задачу — сделать так, чтобы хоть кусочек судебной системы работал не в режиме «любой человек объект для репрессий», а в режиме «ребенок — субъект реабилитации». Он личность, у него есть ресурс, мы должны сделать все, чтобы ресурс был мобилизован.

А правонарушение чтобы рассматривалось как болезнь, которую надо лечить. Причем лечить не ребенка, а тот социум, который его сделал правонарушителем. Поэтому главная проблема всегда — это окружение ребенка. Что спровоцировало его на это правонарушение, как мы можем повлиять на этот микросоциум, и как мы можем повлиять на социум в целом, чтобы изменить систему отношений в обществе, для того, чтобы микросоциум был более здоровым? Потому что это все сопряженные вещи — ребенок, семья, система социальных и нравственных отно-

шений в обществе. И конечно, нам нужно создавать условия к тому, чтобы профессионализировать судебные процедуры, создать правовую основу социальной политики по отношению к несовершеннолетним, коей и является ювенальная юстиция.

Вопрос. Есть ли какие страны, где эта ювенальная юстиция существует?

Олег Зыков. Ювенальная юстиция есть во всем цивилизованном мире. Потому что на самом деле ювенальная юстиция — это специализация судебных процедур в отношении несовершеннолетнего. Точно также как во всем цивилизованном мире есть педиатрия, так и ювенальная юстиция, собственно, в этом смысле одна от другой ничем не отличаются. Там просто биологическая болезнь, ее должен лечить специалист, знающий особенности организма ребенка. Здесь — социальная болезнь, как мы выяснили, которую тоже должен лечить специалист, который знает психологию ребенка, психологию социума, контекста там и так далее. Ювенальная юстиция — это прежде всего некий правовой механизм мобилизации всех ресурсов общества, направленных на то, чтобы сохранить ребенка в ситуации опасности. Когда он подвергся насилию. Кстати, в большинстве стран, где есть ювенальная юстиция, в семидесяти-восьмидесяти процентах случаев ювенальный суд рассматривает ситуацию не тогда, когда ребенок совершил правонарушение, а когда ему плохо, когда он подвергается какой-то опасности. И тогда понятно, что мы как общество можем цивилизованно реагировать на ситуацию внутрисемейного неблагополучия. Потому что и беспризорность, и преступность — это все симптомы, как мы выяснили. Они должны встретить адекватную реакцию со стороны общества, государства и судебной системы.

Сегодня мы должны дожидаться, когда в этой семье начнут убивать, да? Вот они там, чего-то там происходит, крики, вопли, истерика, мы все участники этого процесса, потому что слышим, стены у нас тонкие, все мы слышим, все мы понимаем. Или там учитель сидит в школе, приходит ребенок, у него все руки в синяках — никакой реакции. Врач, осмотр, диспансеризация, вся спина в кровавых подтеках — никакой реакции. То есть мы как общество не реагируем на симптомы неблагополучия семьи. Причем еще раз повторяю, это и есть самое важное! Если мы сможем за-

хватить первые симптомы, то мы сможем сохранить семью. А если там уже садизм начался, мы сейчас читаем много, да? — родители убили ребенка, ребенок убил родителей. Вот я сейчас в очередной этой передаче у Малахова участвовал, там дети убивают педагогов, одного зарезали, другую пытались зарезать. До этого я участвовал в передаче, где происходило обратное — педагоги довели девочку до самоубийства там, и так далее. Все это не одновременно происходит, такие явления, особенно внутри семьи, они постепенно нарастают. И ювенальная юстиция — это правовой механизм вмешаться в судьбу семьи в тот момент, когда семью можно сохранить, а не когда нужно кого-то наказать, кого-то посадить и констатировать — да, убил. Убил — все, иди в тюрьму. Сегодня у нас нет этого механизма. Должна быть судебная процедура, которая четко и ясно отделит произвол от необходимости со стороны общества вмешаться в частную жизнь семьи и сказать, — у вас не все хорошо. Почему ваш ребенок пришел в школу избитый? Кто его избил, что случилось? Мы знаем, что именно безнаказанность провоцирует те действия, которые совершают взрослые по отношению к детям. Гораздо более трагичная ситуация, когда ребенок не убегает в этом случае, то есть вот его избивают, насилуют, иногда психологически, иногда физически, иногда сексуально, а он не уходит из семьи. То есть его психика коверкается. Откуда маньяки-то берутся? Вот они оттуда берутся, вот источник, питательная среда — жесткая авторитарная мать, которая не воспринимает эмоционально собственного ребенка, подавленный муж или отсутствие этого мужа, и жесткая диктатура по отношению к мальчику, который становится инфантильным придатком при этой матери. И мы видим разные сюжеты. Иногда этот инфантильный придаток устраивает революцию и убивает эту мать, иногда он так и живет всю свою жизнь, никакой, а иногда какая-то часть его сознания начинает реализовывать эту трагедию через маниакальное поведение, и он внешне благополучный отец, а вечером идет и убивает женщин, потому что они в черных колготках. На самом деле проблема внутрисемейных отношений касается всех нас. И если ребенок тем не менее сопротивляется, уходит из семьи, это хорошо. Поэтому я никогда не рассматривал беспризорность исключитель-

но как явление отрицательное, ничего подобного. Более того, беспризорник, он на улице приобретает определенные позитивные черты характера, другой вопрос, что больше негативного. И работая с беспризорником, у нас много таких программ, мы и пытаемся увидеть в нем это позитивное, в том числе и приобретенное на улице — способность поддержать ближнего и так далее, коллективизм какой-то там появляется. И вот, исходя из этого, построить отношения с этим ребенком и воспитать в нем какие-то позитивные вещи, дать ему возможность увидеть, что не только насилие — способ отношения между людьми, но и какой-то позитивный процесс. Ювенальный суд — это всегда повод рассмотреть уникальную, она всегда уникальна, судьбу ребенка и построить уникальную программу реабилитации по отношению к ребенку, закрепленную в судебном решении. В ювенальном суде обязательно присутствует социальный работник, психолог, который готовит судебное решение, который помогает судье, который потом отслеживает, как это судебное решение выполняется. И, как я уже сказал, одно из важнейших элементов ювенальной юстиции — это частное определение в постановлении суда, которое закрепляет позицию суда по отношению к социуму. Что нужно менять? Частное определение в отношении конкретных технологий, которые должны появиться в социуме в результате рассмотрения судьбы конкретного ребенка, понимание суда, что ребенок совершил правонарушение, потому что что-то плохо работало в социуме, что-то работало не в интересах ребенка. Какие-то права ребенка были нарушены.

Вопрос. Значит ли это, что ребенка не нужно наказывать? Через суд.

Олег Зыков. Обязательно. Безнаказанность также безнравственна, как тупое наказание. И сегодня мы как раз и видим такое нелепое, аморальное поведение суда. Когда он совершил какое-то малое правонарушение, его не сажают в тюрьму, 73 статья Уголовного Кодекса, условное осуждение, и ему говорят, — ну, ты еще мало украл, колбасы там, иди. Естественно, отправляют его в ту среду, где он снова готов совершать правонарушение, где он уже его совершил. Ничего не меняется при этом. То есть безнаказанность. Безнаказанность провоцирует повторное правонарушение. И это

происходит. Почему у нас такая высокая рецидивная преступность? До семидесяти процентов, после условного наказания, дети совершают повторные правонарушения. В результате деятельности ювенального суда, в Таганроге, который четыре года существует, рецидивная преступность упала до четырех процентов.

Потому что с ребенком занимаются и его наказывают, но наказание это носит содержательный характер. Он должен восстановить что-то, загладить вину, повиниться, совершить какие-то действия, причем очень активные, очень важные, нужные, но его при этом не изолируют от общества, и это очень эффективно. Конечно, самым эффективным способом является восстановительное правосудие, когда в результате судебного решения виновник и жертва примиряются. Потому что самым гуманным является по отношению к жертве, когда ему приносят извинения, а не когда виновника сажают в тюрьму. Жертве главное понять, почему так получилось, почему он оказался жертвой, почему именно его выбрал этот преступник? Что он, такой корявый, непонятный? Почему так получилось, что преступник выбрал меня, а не кого-то другого? И когда происходит некая сатисфакция, происходит извинение перед жертвой, тогда происходит психологическое расслабление, это гуманно по отношению к жертве прежде всего.

Вопрос. Газета «Молодой. Свежее решение», Волгоград. Румиля меня зовут. Я в свое время писала про ювенальный суд, у нас в Волгограде.

Олег Зыков. Существует договор между администрацией, и так далее, и так далее, но суда у вас нету. И я очень рад тому, что, тем не менее, там появились такие люди, есть такая попытка, она сейчас, кстати, реанимируется.

Вопрос. А как сейчас в России вот это вот продвигать? Мы сейчас поговорили о Волгограде. А есть ли реальные города, где этот опыт работает, и какие результаты?

Олег Зыков. Мы выяснили, что есть личность, есть эволюция. Есть территории, где такие личности появились. Они появились и внутри судебной системы, и вне судебной системы. И в результате их действий происходит некая эволюция, мучительная. Потому что мы выяснили с вами в результате нашего разговора, что ювенальная юстиция — это не просто механические измене-

ния в судебном процессе, это глубочайший ментальный процесс эволюции всех нас. А это просто механика такая, этой ментальной эволюции. Это очень сложно. Поэтому эти процессы везде протекают очень тяжело. И в зависимости от личности или набора личностей, их способности продвигать эти идеи, доказывать свою правоту, находить партнеров, в том числе и во власти, эта идея продвигается быстрее или медленнее. В этом смысле лидером этого процесса является ростовская область, и там была всегда роль личности. Елена Леонидовна Воронова, судья областного суда, если конкретно. Двадцать лет она возглавляла отдел в городской, в областной прокуратуре по контролю за исполнением законности в отношении несовершеннолетних. Если нас кто-то и тормозил, то это были всегда прокуроры. А вот она была такая личность, которая поставила перед собой цель — стать судьей и продвигать идею ювенальной юстиции. И в 2001 году она начала этот свой путь, подвижнический, с моей точки зрения, внутри судебной системы, смогла всех там убедить — и председателя суда, и своего губернатора, и так далее, и так далее. В результате четыре года тому назад появился первый ювенальный суд в России в городе Таганроге. Вот он четыре года существует. Как я уже сказал, там есть не просто результаты, связанные с судьбой конкретных детей, но и статистические результаты. Вот рецидивная преступность среди детей, которые прошли через ювенальный суд города Таганрога, упала в двадцать раз. При этом все социальные службы там действуют сообща, которые сегодня в большинстве из наших городов работают абсолютно разобщено — они все конкурируют за бюджет. Почему они разобщены? — они все конкурируют. Поэтому разговор, абсолютно нелепый, о том, что надо сближать позицию ведомств, межведомственные программы, — вот сейчас ведомства сядут за стол и договорятся. Никогда этого не будет! Это в принципе быть не может. Потому что по своей природе они никогда не могут договориться. Потому что ими движет только одно — собственное выживание и получение денег из бюджета для этого выживания.

Что произошло там, в Таганроге? Как только появились первые частные определения суда, чиновник всегда мыслит о выживании собственной задницы, они стали думать, как им

выживать в этой ситуации, как им не попасть в судебные решения. И они сами отремонтировали флигелек, повесили табличку, «ювенальный суд» там совещаются ровно столько, сколько им надо, чтобы не попасть в судебное решение. То есть эволюция их поведения, их мотивация была сопряжена не с пафосом, — а с собственной задницей. Работает. При этом они все время это делают через призму возможных судебных решений, возможных судеб детей. То есть их всегда интересует профилактика попадания ребенка в пространство суда. Потому что ее все понимают, исходя из собственного интереса, и в логике судебной возможной перспективы люди пытаются выживать. Прежде всего люди, представляющие социальные ведомства. Или не дай Бог попасть в судебное решение, потому что дальше возникают уже всякие коллизии. Особенно в небольшом городе, там очень быстро возникают коллизии административные, и несостоятельность того или иного ведомства, очень быстро выявляется. Вот ты попал в частное определение суда, поэтому это не абстрактное же определение, оно абсолютно объективно, основано на трагедии конкретного ребенка. Тут ничего не совершь. Что касается всего остального нашего российского сообщества, оно мучительно медленно эволюционирует. Это относится к федеральному центру, который никак не может принять федеральные законы, которые мы десять лет тому назад написали, и первый из них был в первом чтении, «Изменение закона о судебной системе», принят в феврале 2002 года, и все это застряло.

Вопрос. То есть у нас сегодня нет закона, который бы определял, что такое ювенальный суд, с точки зрения федерального законодательства.

Олег Зыков. Нету.

Вопрос. А вот ювенальный суд, который существует в том же Таганроге, на основании чего он существует?

Олег Зыков. В рамках сегодняшнего законодательства, и, конечно, это не в полной мере с точки зрения нашего внутреннего законодательства ювенальный суд. Я недавно был на очередном заседании в судебном департаменте, где как раз и пытались обвинить ростовчан в том, что они нарушают наше внутренне законодательство, что у нас нет ювенального суда, и чего вы там занимаетесь са-

моделятельностью. Хотя на самом деле именно с судебного департамента все и началось. Именно судебный департамент принял решение провести эксперимент в ростовской области, но понятно, что там внутри этого суда разные люди с разными настроениями. В смысле, судебного департамента. Так вот, когда дошло до меня, до моей возможности высказаться, я, естественно, сказал, что, — нет уважаемые коллеги, давайте разберемся, кто здесь нарушает законодательство. Так вот, с точки зрения нашего законодательства, в том числе и нашего внутреннего законодательства, с точки зрения нашей Конституции, международные наши обязательства являются приоритетными по отношению к внутреннему законодательству. Российская Федерация еще в составе СССР в девяностом году ратифицировала Конвенцию о правах ребенка. И отдельным компонентом Конвенции являются Пекинские правила, где детально, очень умно, очень правильно расписывается, какова должна быть судебная система страны, которая ратифицировала Конвенцию о Правах ребенка, в отношении несовершеннолетнего. И мы на самом деле нарушаем в данном случае наши международные обязательства, не принимая наше внутреннее законодательство. В этом правовая коллизия. Поэтому то ростовчане как раз ничего не нарушают, с точки зрения международного законодательства. Они нарушают наше внутренне законодательство. Поэтому для меня совершенно очевидно, что все наши усилия по развитию ювенальной юстиции на местах — это способ привести наше внутреннее законодательство в соответствие с нашими международными обязательствами, и это абсолютно законно. При этом ресурс сегодняшней закона нашего, Уголовно-процессуального и Уголовного Кодекса, и Административного, огромен. Судья не знает и не понимает, какие меры воспитательного характера нужно назначить ребенку. Он тупо назначает условное наказание, не насыщенное социальным содержанием. Он не понимает, какие есть реабилитационные ресурсы, у него нет возможности к этим ресурсам адресоваться. У него нет обратной связи. Вот ровно это и происходит сейчас там, где развиваются ювенальные суды. И я все-таки скажу, про территории был задан вопрос, я не ответил, где, с моей точки зрения, максимально люди продвинулись. Их не очень много. Кроме ростовской области, ювенальный суд реально, как здание,

открыт еще в двух местах — в городе Ангарске иркутской области и в городе Абакане, в Хакасии. При этом наиболее продвинутые территории в области ювенальной юстиции, хотя там как будто бы нет такого здания с табличкой, является пермская область. Где созданы потрясающие условия к тому, чтобы, а это ключевая тема, во все эти процедуры вовлекались общественные инициативы. Потому что суд, его специализация не имеет никакой ценности, если этому суду не к кому адресоваться. Если там нет общественных ресурсов, которые создавали бы умные реабилитационные программы, способные воспринять судебные решения.

Вопрос. Какие самые яркие впечатления остались у вас от знакомства с работой ювенальной юстиции за рубежом?

Олег Зыков. Я видел, как работают ювенальные суды во Франции, в Канаде. В Великобритании нет федерального законодательства, но есть прекрасный ювенальный суд, там особая вообще ситуация. Французский ювенальный суд. Ситуация: ребенок все время названивал в пожарную команду. Обычная ситуация — вызывал пожарных. И идет заседание этого ювенального суда, пацан этот, лет двенадцать. Рассмотрели всю эту ситуацию, выяснили факты, которые провоцировали, подросток, он сам себе предоставлен был, там родители мало уделяли ему внимания, родителей пожурили, и так далее. Но самое главное, судебное решение. Знаете, какое? Он две недели должен чистить сапоги у пожарных в пожарной команде. То есть, полностью восполнение ущерба, при этом он общается с с пожарными, возникает эмоциональный контакт. Они ему потом форму покупают, он с ними на пожар выезжает, в каске, и так далее. Какой секрет? Он когда-нибудь позвонит туда, в пожарную? Да ему в голову это не придет! Он скорее сам пожарным станет в результате всей этой коллизии. То есть вот он, ресурс, ситуация.

Другой пацан все время маленьких избивал, ну его заставили в Лувре сопровождать маленьких, чтобы они не разбежались во время экскурсий. То есть он должен с ними взаимодействовать, он должен их собирать там, и так далее. Пример нашего, московского, Черемушкинского суда, с которым мы много лет работаем, и там есть мой социальный работник, и есть специализированный судья. Мы никогда не декларировали, что у нас есть ювенальный

суд в Москве, но у нас есть такой опыт. Значит, семнадцатилетний оболтус взял и вынес в подъезде дверь. И в процессе разбирательства было понятно, как всегда, ему не хватало внимания, на самом деле, прежде всего, отца. Потому что мальчик нуждается очень во внимании отца. А условно нормальный отец просто не понимал, что надо не велосипед покупать, а любить и уважать собственного ребенка, выслушивать его проблемы. А у него нет времени, как у всех у нас, и на самом деле это было понятно с первого раза — что ребенок-то сломал эту дверь, чтобы привлечь внимание родителя. Очень часто так и бывает. И отец это понял, и ребенок сам для себя (в общем, семнадцать лет — не маленький ребенок), для себя это сформулировал. И там были процедуры, связанные с психологами, и так далее и так далее. А судебное решение нашего московского суда, отец вместе с ребенком должен навесить эту дверь. И самым ценным было — их общение в момент навешивания двери. Вот в этот момент они поняли, что вообще-то и сын вырос, и в общем-то. Неизвестно, как дальше сложится судьба, но в этой конкретной ситуации это было оптимальное решение. А если бы просто наложили бы штраф? В Канаде ювенальные суды суррогатные. Там разбирательство судьбы ребенка происходит с участием местного сообщества. Там в качестве судей выступают жители района. А официальный судья потом просто проштамповывает. И вот там разбирался случай, когда один ребенок другому клюшкой полбашки снес. И вот разбирательство. В качестве судей выступают три подростка — одна девушка, два пацана, они судьи. В качестве свидетелей те, кто видел, как это все происходило, жертва, которая вышла уже из больницы, с перевязанной головой, с родителями. Рядом родители этого преступника. И начало всей этой конструкции, когда родители меж собой начинают переругиваться, каждый защищает своего ребенка. И тут начинает эта мать жертвы рассказывать, как она сидела рядом, что ребенок чуть ли не умирал, она так ощущала, что он умирает, может, он на самом деле умирал. И она все это выплеснула сюда, и другая мать хорошо это поняла. И вот на этом эмоциональном уровне они стали между собой выяснять отношения. Там был полицейский, кстати, который играл позитивную роль в этом случае, и все понимали, что очень важно, чтобы люди поняли эмоции друг друга и потом

вместе приняли решение. И потом выяснилось, что тот, которому по башке дали, он на самом деле оскорблял ударившего очень сильно и какие-то гадости про него говорил, и тот просто пытался защищать свою честь ну попал вот так, клюшкой. И, в общем-то, не так плохо, защищать свою честь, просто надо уметь, и адекватно защищать, и вообще мы все должны защищать себя.

Да, мы привыкли, что мы даже не имеем право себя защищать, потому что мы боимся, что в результате этой защиты нас самих посадят, что и происходит. Регулярно в детских колониях наблюдаю детей, которые не способны адекватно соразмерить свою силу и совершают какие-то действия, в результате которых страдает обидчик, на самом деле, и сажает на самом деле этого парня, который отстаивал свою честь. Вобщем в Канаде они договорились и подписали мировое соглашение. Вот такое судебное заседание я наблюдал. И при этом активное участие местного сообщества. Это можно бесконечно продолжать. То есть понятно, что сама направленность иная — не наказать виновного, а восстановить отношения между людьми и сохранить любого человека, потому что это главная ценность общества.

Вопрос. Почему так плохо продвигается ювенальная юстиция в России, как вы считаете?

Олег Зыков. Потому что мы с вами в источнике — тоталитарное государство. В этом смысле мы не сильно изменились, мы остались винтиками, мы остались иждивенцами, мы все время рассчитываем, что за нас кто-то должен решить наши проблемы. А если проблемы не решаются, значит, виновато государство или кто-то там. А никто ничего не решит и никогда не решит за нас. Мы — иждивенцы. Нас приучили быть иждивенцами. Мы разные иждивенцы. Было тоталитарное государство. И было, сколько их было? двадцать человек, которые в шестьдесят восьмом году вышли на Красную площадь. Ну, всегда в любом обществе есть люди, которые являются носителями нравственности. Другой вопрос, насколько общество способно понять, что они носители нравственности. Им надо, наоборот, кричать, и кричать «Ату!» и соответствовать общему настроению. Если вы сейчас посмотрите любую программу и передачу, в конце концов, все сводится к тому, что, — Ату его! Убить его! Арестовать его! Сажать его! — и при

этом все мыслят этой категорией входа в тюрьму, не понимая, что чем больше людей сидит в тюрьмах, тем больше криминальное мышление — эти люди же выходят. Еще раз повторяю, каждый четвертый мужчина у нас или сидит, или сидел. Ну кого они родят, кого воспитают? Вот они же, вот они, носители криминального мышления. Вот так вот, вот в таком мы обществе живем.

Вопрос. Недавно ходила в милицию, в отдел по делам молодежи, по поводу мальчика, который сидит в тюрьме. Мы ездили к нему. Можайская колония. Пустили двух человек, журналистов. И после того, как я хотела написать материал, пошла туда разбираться, почему, в принципе, так происходит? Потому что мальчик, оказывается, после семи лет вообще в школу не ходил, то есть кто-то за ним не следил там пять лет. И мне сказали, что есть пробелы в нашем законодательстве, то есть работа ведется, но не могут они повлиять на родителей.

Олег Зыков. Вы невнимательно меня слушали. Я специально подчеркнул, что ювенальный суд — это способ как раз отделить зерна от плевел, это способ вмешаться в судьбу семьи в тот момент, когда есть симптом неблагополучия. Не совершая произвола, через правовую процедуру войти в семью и сказать, — мы имеем право к вам сюда придти, но с чем? Главная задача — создать специальные службы патронажа семьи. Потому что у нас огромное количество социальных служб и в Москве, и в Подмосковье, огромные деньги тратятся, которые сводятся к клубам кройки и шитья. И каждый раз это — вот, давайте, мы еще там стадион откроем, бред. Понятно, что на стадион пойдут те, у кого и так все в порядке. Наверное, кого-то можно привлечь, если энтузиаст, подвижник, тренер — он привлечет неблагополучного. Но для меня очевидно, что нельзя, сидя в каком-то там кабинете, даже с бассейном, помочь ребенку. Можно помочь ребенку, если придти к нему в семью с целью сохранения семьи, это профессиональная задача. Сегодня у нас в стране практически нет этих служб. У нас есть территории, которые осознали необходимость этих служб и их создают. Я вот называл пермскую области, есть опыт самарской области. Пока они не создали центр «Семья», пока они не привлекли туда тысячу двести специалистов, психологов, социальных работников, где местом их

работы является семья — не кабинет, не клуб, а семья проблемная, — вот пока они этого не сделали, ничего не менялось. Опыт самарский очень интересен в этом смысле. Если пермяки с самого начала понимали, что просто из детских домов раздать детей в семьи невозможно, потому что семья не готова к тому, чтобы принять ребенка в силу определенных причин, социальных, психологических, даже в ситуациях, когда деньги даются — нужно помогать семье справляться с этим ребенком и менять внутрисемейные отношения. И они поэтапно стали это делать, там поэтапно упраздняются детские дома.

Самара поступила революционно, она решила — закроем сразу все и всех детей раздадим. И они это сделали на самом деле, там практически нет детских домов. Но они сделали это механически, дети ушли в семьи, а семьи не были готовы принять их, проблемных на самом деле детей. И в результате часть этих детей не удержалась и стала уходить из этих семей. Это двойная трагедия. И вот только пережив эту двойную трагедию, территория поняла, что она должна создать вот эти центры семьи, они их создавали, в течение нескольких лет. И сегодня можно рассматривать опыт Самары, безусловно, как очень интересный. И их ошибки интересны, и их успехи интересны. Поэтому вопрос профессиональных патронажных служб, которые работают внутри семьи, это ключевая проблема. При этом, параллельно с этим, должны развиваться правовые процедуры, которые будут обеспечивать право вхождения этих служб в проблемную семью.

Вопрос. Как вы относитесь к патронатным семьям, потому что всего тридцать восемь-тридцать девять регионов России ввели патронатную систему? И второй вопрос — если службы, замечательно, где-то создали, или не было, так или иначе — они прохлопали этого ребенка. Произошло преступление, не самое страшное, он никого не убил, он либо, вот в Волгограде у нас была девочка, украл кроссовки. Ее определили в колонию, девицию. Подобные когда возникают прецеденты, что делать, куда обращаться? Мы сами себе помочь не можем. Мы не Москва. Можно ли какой-то адрес, куда-то написать?

Олег Зыков. Москва очень поганый город. Здесь столько злобных, раздраженных, тупых начальников, с которыми догово-

риться невозможно. Фонд НАН — гигантская организация, имеющая отделения во всех регионах России. И чем меньше город, тем легче договориться. Потому что менее инертная информационная среда. Очевидны персонажи, легче разобраться, кто прав и кто виноват. В этом городе вообще невозможно разобраться, в принципе. Потому что очень много точек влияния, очень много начальников, очень много интересов. Это очень плохой город.

Вопрос. Я понимаю. Но у вас есть Общественная Палата — они пришли к вам, сказали проблемы. Эту девочку осудили, она два с половиной года (два с половиной года, я права?) провела в девичьей колонии. Теперь этот человек не может работать. Она ушла с рынка, потому что являясь иностранкой на внешний вид, ее не хотят там держать.

Олег Зыков. Вы сейчас говорите о ситуации, когда трагедия уже произошла. Ее психика уже исковеркана. И в этом смысле первое, что нужно сделать, это посмотреть, есть ли у вас реабилитационные программы психологические, которые помогли бы этой девочке. Вот я здесь в Москве создал реабилитационный центр для детей — алкоголиков и наркоманов. И девочка, которая вышла после тюрьмы придет ко мне в этот центр, и мои психологи, мои дети, которые часть этого мира, будут стараться делиться своими позитивными эмоциями с этой девочкой, и она станет частью этого мира. Захочет она стать частью, она станет, не захочет, в конце концов, не станет, это зависит от нее. Мы должны быть достаточно профессиональны, чтобы предъявить этот мир, а у нее должно хватить человеческого ресурса, чтобы войти в этот мир. Это всегда обоюдный процесс. Я не верю, что в Волгограде нет ни одной умной реабилитационной программы. Конечно, я не могу знать всего про город Волгоград. Это не самый плохой город, с моей точки зрения. Значит, у вас что-то всегда есть. И это хорошее надо развивать. И вот это хорошее станет тем ресурсом, который поможет этой девочке. Ничего другого и нет, и быть не может. У вас должна быть служба занятости, которая должна подобрать ей работу. Мы сейчас решаем эти вопросы и в Москве, и в Подмосковье. Вы сейчас затронули на самом деле глобальную проблему, проблему судьбы детей после колонии, вообще людей после колонии. У нас нет службы пробации, я не знаю, слово-то вы знаете,

пробация? Тем не менее, вы должны знать его. В мире цивилизованном есть специальная служба, которая занимается человеком, который столкнулся с законом. Вышел он из колонии, получил условное наказание. Там профессиональные люди, которые занимаются судьбой человека с позиций его проблем в тот момент, когда он вышел из колонии, в том числе. У нас нет этой службы в принципе. Мои попытки обсуждать, что у нас должна быть такая служба сегодня, натываются на стену.

Вопрос. Я немножко спрашивала не про тех, кто вышел. Ладно, этой девочке уже, худо-бедно, поможем. Если подросток только что попал, что делать родителю, куда ему бежать? Куда, к кому обращаться?

Олег Зыков. В критических ситуациях реакция у разных людей разная, но очень часто мобилизуется как раз позитивная. Ну, во-первых, есть судебные процедуры, есть кассационные всякие штуки, есть адвокат — судебная система, какая-никакая, у нас есть, иногда она срабатывает на самом деле. Другой вопрос, что эта судебная система, имея вот такое репрессивное начало в своей сути, не любит замечать свои собственные ошибки и отменять свои собственные решения. Поэтому добиться от судебной системы через кассационный процесс, чтобы было отменено решение, крайне трудно. Это с одной стороны. С другой стороны, это вопрос публичного осмысления каждый раз, и на самом деле, вот в Волгограде есть, в отличие от многих других городов, Институт уполномоченного по правам ребенка, это замечательный институт для того, чтобы придавать публичности проблемы конкретного ребенка, проблемы социума, системы. Но менять систему, помогая конкретным детям в том числе. И поэтому в каких-то вопиющих случаях вот есть такой институт. Ну вот, и наконец появилась моя самая рабочая группа Общественной палаты «Защиты прав детей», мне пишут, у меня стопки вот такие.

Вопрос. Адрес дайте.

Олег Зыков. Есть адрес в Интернете, Миусская площадь, дом 7 корпус 1, есть адрес моего собственного офиса, ул. Шелепника, дом 10 А. Я публичный человек, мои адреса и телефоны всем известны. Вы же современные люди, Интернет — простая

вещь, нажали на кнопку, Олег Зыков, и вам столько информации про меня, а вы все адрес, адрес.

Вопрос. Скажите, как вы видите роль прессы, как она сейчас функционирует в смысле решения проблем с молодежью группы риска?

Олег Зыков. Знаете, меня это всегда так умиляет — роль власти, роль прессы. Власть, государство должны задуматься. Кто такое государство, — каждый раз я спрашиваю, — Путин, что ли? Пресса — это вот кто? Кто у вас тут, Яковенко, там — начальник? Кто пресса? Пресса — это кто? Есть конкретные люди в этой самой журналистике, и некоторые из них умные, некоторые глупые. Глупые вредят, умные помогают, это процесс — вашей внутренней эволюции. Сегодня пресса болеет теми же болезнями, что и общество, поэтому разговоры о том, что вот журналисты там плохие или кто-то плохие — да нет. Кстати, мысль о том, что средства массовой информации виноваты в том, что дети становятся насильниками, посмотрели телевизоры и насильниками стали, просто глупость. Конечно, носителями насильственных отношений являются те, кто в тюрьме посидел, вот они, вот они насыщают наше пространство идеей насилия, а пресса — она просто зеркало, и не более того. Поэтому, с моей точки зрения, процессы внутри средств массовой информации проходят очень сложно. И вектор действий средств массовой информации абсолютно разнонаправленный. В какой-то части он позитивен, в какой-то он — негативен. Вот вы обсуждаете проблемы, вырабатываете какую-то свою стратегию в какой-то части, ну и слава Богу. Меня вот пригласили, я тут всякого наговорил, может, чего услышат и усвоят, глядишь, и писать будут чего-то такое полезное для общества. При этом мы хорошо знаем, что пресса, она выживает, и я регулярно участвую в конфликтах между средствами массовой информации и местной администрацией. В Смоленске губернатор взял, как в 37 году, без всякого судебного решения, журнал Смоленск, большой, толстый, красивый, там была критическая статья про него. Они взяли и изъяли весь тираж. Просто, без судебного решения. У нас в Общественной Палате слушался специальный вопрос. Никакого судебного решения не было. Более того, прокурора районно-

го, который пытался возбудить дело, областной уволил, который пытался возбудить дело против губернатора.

Вопрос. Почему об этом молчит сайт Общественной Палаты?

Олег Зыков. Не знаю. Кстати, многое из того, что делает Общественная Палата, публично не озвучивается. Потому что власть Общественную Палату рассматривает как свой инструмент реализации каких-то целей и задач. И когда мы делаем то, что интересно власти, это показывают, а когда мы делаем что-то, что неинтересно власти, ничего, и этот самый сайт этот — он часть этого процесса. И когда мы разбирали дело ученых, которых посадили, ФСБ, в тюрьмы, это совсем не афишировалось, но мы это разбирали. Я за себя отвечаю, за свои действия отвечаю. Я вам рассказываю, и я знаю это достоверно, и я не стал бы недостоверную информацию говорить. Губернатор вашей области изъясил тираж, и я даже номер этот имею. Он получил десять сигнальных номеров, и поэтому у меня есть один из десяти этих сигнальных номеров. Все остальное — три тысячи экземпляров, просто украли. Три тысячи экземпляров. Две он должен был сразу получить, потом еще одну.

Вопрос: Вот у нас непонятная ситуация сложилась с патронатом. Как вы считаете, насколько денежный эквивалент, который получают патронатные семьи, влияет на то, что детей стали разбирать? У вас есть какая-нибудь статистика по этому?

Олег Зыков: Нет, у меня нет статистики. Я считаю, что статистика — это проститутка, и каждый раз, когда возникают какие-то цифры, я хорошо понимаю, что чаще всего нет технологического исходника, вот как с этими, пятью миллионами беспризорников. То есть кто-то из больших начальников ляпнул, остальные стали повторять. Я-то понимаю, что посчитать беспризорников невозможно, это технология определенная, надо подойти, выяснит, за хлебом он пошел, беспризорник, безнадзорник? Поэтому вопрос статистики по патронату, это вопрос тех исследований, которые нужно провести, но никто не проводил. И вот я вам говорил о самарском опыте, они же ведь анализы не проводили, в отличие от пермяков, вот по Перми есть достоверная статистика, как складывается судьба приемных детей. Сейчас не восстановлю просто, а врать не хочу. А в целом по России

таких анализов не проводилось. Для меня совершенно очевидно, что именно пермский опыт, и дает правильный вектор развития патроната, где, с одной стороны, есть понимание, что нужно создавать службы, которые должны сопровождать семьи, формировать институт этих семей, и, безусловно, обеспечивать материальную их деятельность. Поэтому деньги играют здесь важную роль, но не приличную, как это происходило в Самаре, где просто деньги раздали в опекунские семьи, и ничего хорошего не получилось. Это вопрос профессионализма регионального сообщества. Не только социальные службы. В чем особенность Перми, там основная часть бюджета тратится не на социальные службы, а на финансирование общественной инициативы, общественной организации через конкурсный механизм. Сейчас пятьдесят процентов бюджета города Перми, социального бюджета, тратится исключительно на общественные организации. То есть через конкурсный механизм финансируется деятельность общественных организаций по социально значимым проектам и программам. В результате очень высока эффективность этих реабилитационных служб. Потому что, в отличие от государственных социальных служб, которые работают за зарплату, с разной очень эффективностью, общественная организация, в большинстве случаев все-таки создается по движению души, потому что людям хочется этим заниматься. И государственному интернату никогда нельзя сказать, найдите дополнительные средства. А в рамках конкурсного механизма в приложении к общественным организациям говорится, что вы должны там тридцать процентов бюджета сами найти за счет каких-то еще ресурсов, прежде всего нематериальных ресурсов, человеческих. То есть люди все время мыслят категориями организации ресурсов человеческих и так далее, система их к этому стимулирует. Поэтому эффективность определяется прежде всего профессионализмом этих служб. А профессионализм определяется желанием и готовностью людей делать то, что они делают. Сегодня у нас огромное количество социальных работников совершенно не хотят делать то, что они делают. Они просто зарплату получают, им эти инвалиды всякие поперек горла, потому что это только головная боль лишняя.

Вопрос. Вы начинали с патриотизма. У нас была дискуссия в Конгрессе, участвовали ребята, которые связаны с правозащитным движением. Дискуссия такая в жестком темпе была. И меня обвинили в непатриотизме — потому что я высказалась против криков о патриотизме.

Олег Зыков. Ваша мысль понятна. Он, этот человек, который вас обвинил — жертва вот того мерзкого пакостного флера, который сложился за последние годы вокруг этого термина. Я думаю, что мы просто по-разному понимаем некоторые слова. Для меня, например, правозащитник, они тоже разные, кстати, бывают, — это патриот. У меня очень много друзей среди очень известных правозащитников. Так вот, такие правозащитники, как Людмила Михайловна Алексеева из Хельсинской группы, вот Абрамкин Валера, известный человек, Андриюша Бабушкин, Валерий Васильевич Борцов, я его знаю тысячу лет, это классические правозащитники. Еще сахаровского призыва, и многие сидели в тюрьмах, как диссиденты, и так далее, и так далее. Вот они патриоты, а не те, которые с хоругвями, с моей точки зрения, которые дискредитируют и патриотизм, и православие. Ну, каждый из нас имеет право на ту позицию, на которую имеет право. Я с вами абсолютно согласен. Мы должны гордиться своей страной, мы должны быть патриотами нашей страны, но мы должны понимать, что мы вкладываем в этот термин. И по поводу Ставрополя, я не знаю, говорит ли вам что-нибудь имя, я даже отчества не знаю, Валера Митрофаненко? Он полномочный представитель фонда НАН в Южном Федеральном округе. И возглавляет ставропольское отделение фонда НАН. И гениальный человек. Супер патриот! Человек потрясающей энергетики, умница, пять лет был министром социальной защиты вашего края, то есть он и бюрократ хороший в самом хорошем этом смысле. Но при этом самом абсолютно открыт. Он там ходит в горы, и Эльбрусы там покоряет, и Монблан, совершенно ходячая харизма. Вот удивительный же человек, и он безусловно патриот. Ну вот, пожалуйста, вот и сошлись. И мы на этом, наверное, завершаем, о роли личности в истории. Все мы фигуранты истории. В зависимости от того, насколько мы способны реализоваться, настолько мы останемся в этой истории. И я вам, молодые люди, желаю остаться в нашей истории. Не попасть в историю, а остаться в истории.

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В СМИ

*Владеющий информацией обладает властью.
Однако знает ли «он», что с ними делать?
Из текстов современного распутия.*

Влияние информации на нашу жизнь очевидно и значительно. Мы уже с трудом можем представить себе ситуацию, при которой оказываемся без доступа к текущим новостям и информации, к радио-, теле-, видео-, печатной и прочей коммуникационной среде. Подчас отдых для нас — это возможность убежать от всего названного, отключить всё, что только звучит, «говорит и показывает», и оказаться на необитаемом острове «вне зоны действия сети». Многочисленны случаи, когда люди, имеющие довольно высокий уровень собственной образованности, вместе со своей семьёй уезжают «в глушь», чтобы там, вдали от соблазнов нынешней «технократической цивилизации», растить и воспитывать детей. Не буду здесь обсуждать (хвалить или осуждать) их решение: в конце концов — это их жизнь. Правда, есть ещё и жизнь их детей, которой родители распорядились самостоятельно. Однако это всё же — тема отдельного, хотя и довольно интересного разговора.

В этом материале меня интересует возможность осмысления некоторых моментов степени и качества влияния информационного пространства на молодое поколение, прежде всего, на детей. Интерес этот определяется тем, что мы как-то привыкли рефлексировать на те или иные информационные поводы и картинки, исходя из собственных представлений о том, что нам нравится, а что — нет. При этом лишь изредка смотрим на то, а как это может повлиять на другие группы населения, в случае детей — на группы, не способные к зрелому критическому осмыслению окружающего, вторгающегося в их сознание без спросу, и, тем более, к отстранённой рефлексии. И попытаемся понять, по-

чему и зачем в информационном пространстве мы получаем то, что имеем.

Приведу и попробую проанализировать в свете заявленной темы несколько всем известных примеров.

1) Наглядная реклама.

Многолетняя «борьба» властей за изъятие рекламы алкогольной продукции, похоже, вновь оказывается тщетной. Как пел В.Высоцкий: «ты их — в дверь, они — в окно». Убрали крепкий алкоголь, появилось пиво. Да не просто появилось, а в крайне агрессивных формах, с претензией на основательный захват внимания населения. Хорошо известно, что водка рекламировалась в расчёте на взрослых людей. Реклама пива ориентирована прежде всего на молодёжь. Историю с «Клинским» вполне резонно можно назвать классикой спаивания молодёжи («Что мы делаем, когда вместе собираемся? Да пиво пьём!»). Так создаётся мода на алкогольное времяпрепровождение. Загляните во дворы: проведение вечернего времени без пива — это уже как бы и «время на ветер». Очевидная направленность рекламы на формирование качества молодёжного досуга неизбежно приводит к этому.

«Старый мельник» лихо продолжил тему дворового досуга, перефразировав стихи пролетарского классика: «Бутылка разливного выходит на бульвар./ И может очень скоро здесь будет город-бар!». Сказано — сделано: предложенный вкрадчивым голосом содержательный ужастик оборачивается кошмарной явью, и в Москве любой выход из московского метро сегодня превращается в пивной «стояк». Сотни молодых людей, за неимением каких-либо более разумных досуговых альтернатив, проводят вечера в пустопорожном трёпе, крайне не высоком по содержательности и чистоте лексики общении. Да даже если и в содержательном: согласитесь, вид пространств около наших станций метро, в связи с этой реальностью — совершенно непригляден. А норма, заложенная в молодёжное (и не только) сознание, переходит в бытие. Такой вот идеологический переворот в умах российских граждан от постулатов марксизма-ленинизма. Теперь сознание определяет бытие.

Однако, как выяснилось, вовлечение молодёжи в пивной досуг может принимать и более жёсткие, напрямую антисоци-

альные формы. Реклама пива «Foster's» предлагает глядеть на жизнь «позитивно». «Поссорились с девушкой? Не беда! Осталась её подруга!». При этом зрители не наблюдают лиц (как и требует наше милое, бессодержательно формализованное законодательство), изображены только женские купальники впечатляющих размеров. Более мерзкого призыва, не имеющего ничего общего именно с позитивными формами поведения, трудно себе и представить.

Вытеснение рекламы крепких напитков с улиц приводит к тому, что она становится предметом подземного бизнеса. Уже довольно давно по стенам эскалаторных тоннелей в метро развешиваются рекламные билборды. Алкоголь — на любой вкус! На одном из эскалаторных переходов я насчитал 13 (!) картинок с рекламой алкогольной продукции. Однако отмечу только одно поразившее меня изображение — фотография боксёра Н.Валуева чуть ли не в обнимку с бутылкой водки «Олимп». Хорош пример для подражания молодёжи. Правда, есть одна, строго ненаучная гипотеза: может быть, не очень благообразное персональное изображение успешного спортсмена как раз и направлено на воздержание от алкоголя?

2) Второй интересной частью современного российского информационного пространства можно назвать содержимое ТВ-программ. Не касаясь его политической монотонности (в основном), что также демонстрирует серьёзные проблемы с общественной и общественно-политической моралью, могу с уверенностью сказать, что телевидение возбуждает самые разнообразные эмоции. Причём не только у меня.

В своё время, когда моей младшей дочери было 2-3 года, мне пришлось провести специальный «взрослый» разговор с нею — о том, для чего существует реклама, и объяснить, что реклама во все не означает, что продукт хорош, а только то, что его хотят продать. Но, даже несмотря на это, я с раздражением всякий раз замечаю, как молодое существо при каждом новом рекламном сеансе буквально тушканчиком замирает перед «телеком». И понимаю, что это — то самое НЛП (нейро-лингвистическое программирование), с помощью которого создатели рекламы достигают воздействия на наш разум. Ребёнок, в этом смысле, значи-

тельно менее нашего защищён от этого ползучего вторжения в сознание и это агрессивное вторжение не может встретить должного отпора..

Помимо навязчивой рекламы, которая, подчас дважды за трех-пятиминутный период, пытается всучить мне какие-то продукты, есть и разнообразные передачи, содержательная ценность которых зачастую является нулевой. Однако, не о них речь; наш телеэфир заполнен и той развлекаловкой, которая напрямую разрушает общество, демонстрируя примеры достаточно мерзкого по своей сути поведения. Скажем, программа «Слабое звено», выходявшая в эфир наверняка как «просветительская» шоу-программа, по своему формату и установленным в ней правилам, опровергала даже само название, поскольку в выигрыше в ней оказывались не наиболее сильные, а те, кто своевременно и успешно интриговал против более опасного противника. Гадости, произносившиеся выбывавшими, были достойны самой передачи, которую стоило скорее назвать не «Слабое звено», а «Человек человеку — волк». Впрочем, волков в данном случае мы бы только оскорбили, разумеется, если бы те могли иметь чувство собственного достоинства.

Мыльная пена зарубежных сериалов сменилась отечественным намыливанием либо пенящейся жижицей околосемейного характера, либо бесконечными расследованиями вчерашнего или сегодняшнего преступного мира. И, если мир вчерашний ещё способен нести хоть какую-то ценностную, исторически оправданную и поучительную нагрузку, то сегодняшние телеразборки рождают в сознании ощущение, что вокруг нас существует лишь одно сплошное, окружающее нас преступное пространство. Прямо как после сериала «Горец» — господи, кругом одни бессмертные!

«Новым словом» в разрушительной работе нашего ТВ можно назвать «шок-новости»: помимо теперь уже обычной криминальной хроники, стали возникать истерично-агрессивные телемонстры, знакомящие вяло развлекающегося зрителя со «скандалами, расследованиями, интригами». Информационный визг на запредельных частотах просто поражает своею содержательной агрессивностью.

И, к сожалению, даже вполне профессионально сделанные художественные фильмы, такие как «Ворошиловский стрелок» или «Брат», становящиеся знаковыми и, что ещё страшнее — культовыми, для своего времени, несут в общество ценности, проявление которых в конкретных обстоятельствах вполне резонно можно назвать царством правового нигилизма. Не от этого ли предлагает уходить вновь избранный президент Д. Медведев? Но как? Если человек постоянно видит на экране (да и в повседневной жизни) образцы неправового и противоправного поведения, то как от него можно ожидать законопослушания, следования праву? Если молодёжь, с которой играют в политические игры, начинает понимать, что это — лишь краткосрочная манипуляция, ответом становится немотивированная, «бессмысленная и беспощадная» агрессия. Примеры даже и искать не нужно, они кричат о себе в тех же новостях: это и массовые беспорядки на национальной почве в Кондопоге (на фоне растущего русского национализма), и умопомрачительное зверство (например, сожжение человека над пламенем «вечного огня» в городе Кольчугино Владимирской области), и «игровые» фильмы об избиениях и убийствах людей с другим цветом или оттенком кожи или разрезом глаз, и десятки других событий, одно невероятнее другого. Это — тоже следствие информационного влияния на наше сознание. Самое ужасное состоит в том, что мы становимся слабо чувствительными к проявлениям бесчеловечности, перестаём воспринимать значимые для души события в таком качестве.

Очевидно, что мы довольно слабо себе представляем степень влияния информации не только на каждого конкретного человека, но и на массовые настроения. И тогда совершенно бессмысленно ставить масштабные государственные задачи, поскольку пропагандировать СМИ будут одно, но, они же, на подсознательном (том самом «нейро-лингвистическом») уровне, продолжат внушать прямо противоположное. Понятно, что человек, слышащий, например, о национальном проекте «Демография», наверное, рад бы завести ещё детей и тем самым «помочь стране», но, под действием агрессивного медиа-пространства, демонстрирующего полное безразличие к конкретному человеку и предельно

низкий уровень стоимости человеческой жизни, оказывается подавленным и напуганным окружающей действительностью, а сагитированный человекообразным Н.Валуевым, рискует произвести на свет лишь «хмельное» потомство.

Итак, в чём же причина этого информационно-агрессивного шабаша? Как ни странно, причина проста — экономическая целесообразность.

Во-первых, стоит помнить, что человечество — это экономико-ориентированная цивилизация. Это — данность, которую необходимо учитывать, простирая информационное пространство, формируя и реализуя информационную политику. Пытаясь декларативно взывать к каким-либо внеэкономическим, цивилизационным категориям, почти бессмысленно ожидать, что все вокруг нас, в особенности — те, кто является «практиками организации информационного пространства», мгновенно станут этически деликатными на своём рабочем месте — к своим слушателям и зрителям. И это объяснимо: люди, в том числе и власть имущие, как правило, мыслят краткосрочными экономическими категориями. Однако, когда так же рассуждают и действуют государственные деятели, это означает, что они, перефразируя известное выражение У.Черчилля, всего лишь политики*.

Следовательно, мы имеем возможность (и необходимость) воздействия на подручные экономические рычаги влияния на СМИ. Иначе говоря, предержавшим необходимо (и вполне по силам) сделать асоциальные и антисоциальные информационные потоки экономически невыгодными. Для этого необходимы две вещи:

Во-первых, определить, что хорошо для общества и позитивно влияет на общественные процессы, а что нет. Наивным было бы предположение, что задача эта — простая. Сразу же возникает множество вопросов: Кто будет определять эту самую этико-моральную составляющую, кто возьмёт на себя этот груз ответственности? На основании каких критериев и параметров? С помощью каких, общественно устанавливаемых и признавае-

---

* Примерный смысл изречения британского премьера был таков: «Политик думает о предстоящих выборах, а государственный деятель — о будущем страны».

мых процедур? И как затем «конвертировать» то или иное решение в правовым образом уложенные экономические нормы?

На все эти вопросы нужно искать решения. И, смею надеяться — можно находить. Поскольку тема эта меня интересует уже на протяжении ряда лет, могу сказать, что некоторые положения, касающиеся организации дружественного ребёнку информационного пространства, были изложены ранее, в специализированной разработке¹. Хочу отметить специально, почему именно ребёнку — поскольку в этом случае информационная среда будет очевидно дружественна и человеку вообще. И какие-либо исключения из этого правила возможны по времени только тогда, когда дети уже должны спать (то есть — не ранее 22.00) и в только таких местах, которые недоступны для глаз детей.

Несколько слов необходимо сказать о вариантах институционального решения. Создание Общественной палаты РФ, мне кажется, является одним из потенциально важных шагов в этом направлении. И, хотя порядок её формирования и качество работы оставляют желать много лучшего, однако уже сегодня можно сказать, что это — работающий общественный инструмент. И поскольку в её рядах немало представителей СМИ и учёных, то им и можно было бы поручить начало такой работы. Эффективность же их деятельности в этом направлении определялась бы способностью сформировать процедуры и механизмы общественного обсуждения будоражащих общество вопросов на основе возможно более широкого представительства граждан. Ведь хорошо известно, что само создание общественной палаты на федеральном уровне интенсифицировало, а где-то — и спровоцировало, аналогичные процессы и в регионах России. Собственно, расширение общественного участия в процессах обсуждения общественно же значимых проблем и задач — и есть един-

---

¹ Основные положения «Концепции (принципы и технологии) разработки и реализации национального плана действий в интересах детей», разработанной автором в 2005 году, представлены на сайте Фонда «НАН»: http://www.nan.ru/?f=soc_pol/el_bibl/ (выпуск электронной рассылки №65, файл “Princ’n’Techn”).

ственный реальный путь включения граждан в управление страной и её будущим.

В данной сфере считаю необходимым наличие и других сообществ, участвующих в публичном обсуждении «информационного контента». Стоит назвать ещё по крайней мере две заинтересованных группы. Прежде всего — государственные структуры, которые сегодня и так решают такие вопросы. Насколько успешно — видят все; однако низкое качество их труда сегодня — это лишь неизбежный признак дефектности монополизации точки зрения. Вторая группа — само медиа-сообщество. Активно обсуждаемая тема внутренней самоорганизации и выработки норм профессиональной этики профессиональной деятельности в рамках тех или иных профессиональных групп, при условии их достаточно широкого представительства, может и должна способствовать постепенному созданию процедур и механизмов самоконтроля, самообеспечения и саморазвития.

Только и минимально такое, широкое представительство заинтересованных групп общества может сделать информационную политику в нашей стране дружественной гражданам.

Вторая задача — установить некую градацию экономических рычагов, позволяющую, на основе общественно и профессионально формируемых оценок, установить и соответствующие параметры налогообложения субъектов информационного предпринимательства. Очевидно, что задача эта — существенно проще первой, поскольку может иметь вполне конкретное экономическое, налогово-финансовое выражение. Если владелец средства массовой коммуникации желает, чтобы в его вотчине производился и распространялся асоциальный продукт — пожалуйста, производи и распространяй (естественно, в пределах норм российского уголовного права). Однако в этом случае он должен быть готов к уровню налогообложения, соответствующему, например, в бизнесе содержанию игорного заведения. А выпуск социально ориентированной медиа-продукции будет сопровождаться существенными налоговыми освобождениями и мерами внеэкономического поощрения.

Здесь, видимо, желателен установление неких формально договорных отношений между государством и обществом (воз-

можно, некая аналогия «общественного договора») — о вопросах взаимодействия и учёта мнения общественно активных и профессиональных групп при формировании и реализации информационной политики. Нужно сказать, что такая задача вполне посильна, прежде всего — поскольку уже имеет некие аналоги (пусть и не в информационной сфере) в странах развитой демократии*.

Заканчивая данное короткое размышление по теме значимости культуры на успешное развитие и процветание страны и посильности этой задачи для общества, хочу привести одну очень точную мысль, высказанную М.Фэйрбенксом, членом Комитета по социальному развитию Мирового банка (на основе интерпретации статьи П.Кругмана²):

«Способность национальной экономики создавать не только стоимостные, но и не имеющие денежного выражения ценности — вот что определяет её производительность и, следовательно, процветание»³.

Способность к долгосрочному мышлению и выстраиванию адекватных ему приоритетов и стратегий неизбежно приводит к пониманию значимости инвестиций именно в культуру и в гуманитарное знание, концентрированно и тщательно передаваемого от поколения к поколению.

В заключение скажу несколько слов об основных функциях, которые информационное пространство должно выполнять и хотелось бы, чтобы выполняло.

В профессиональном журналистском сообществе это звучит как некая стандартная трёхзвенка: просвещать, информировать, развлекать. Причём желательна именно такая, по степени

* В качестве примеров можно привести так называемые компакты (от англ. Compact) в Великобритании — договоры, ежегодно заключаемые между правительством страны, в лице его премьера и неким консорциумом (или ассоциацией) неправительственных организаций или аналогичные компактам договоры в Канаде (там они называются Accord) и ряде других стран:

http://www.icnl.org/knowledge/ijnl/vol3iss4/special_5.htm.

² Paul Krugman. "Does Third World Growth Hurt first World Prosperity?" Harvard Business Review, June-August 1994, pp. 113-121.

³ Майкл Фэйрбенкс. Преобразуя сознание нации: о ступенях, ведущих к процветанию. / В кн.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л.Харрисона и С.Хантингтона. пер. с англ. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. — с.252-271.

приоритетности, последовательность. Нынешняя ситуация такова, что наиболее важному, из названных, компоненту медиа-пространства, просвещению телезрителя, приобщению его к цивилизационным ценностям, посвящена в общедоступном российском теле-пространстве деятельность только телеканала «Культура» (честь и хвала его авторам, руководителям и участникам работы). Но во всех остальных секторах ТВ-пространства такое ощущение, что наличие этого телеканала стало индульгенцией за всё остальное безобразие. С функцией информирования проблема будет оставаться до тех пор, пока на общероссийском уровне в эфире будет присутствовать не только и исключительно официоз. Информационная однобокость, могу сказать по собственному опыту многолетней ежедневной газетной и иной информационной аналитики, уничтожает способность человека мыслить, и либо он перестаёт читать прессу и смотреть новости «в принципе», поскольку там «всё — одно и то же», либо начинает становиться таким запрограммированным пропагандой болванчиком, оперирующим привычными медиа-клише. Третий путь — выискивание сочетания информационных источников — слишком трудоёмкий выбор для обычного человека, не увлечённого событиями, происходящими в стране и мире.

Остаётся развлечение. Наверное, можно себе представить благополучие, построенное на постоянстве разнообразных, одинаковых и разнящихся шоу-программ. Воображение здесь у наших деятелей ТВ-медиа, хотя и подводит, рождая молочных братьев (по единству замысла и по источнику финансирования), но всё же создаёт время от времени что-то осмысленное. Однако, если наше телевизионное пространство будет столь же насыщено развлечениями, как сегодня, то мы практически обречены стать, пользуясь литературной аналогией с детской книжкой Н.Носова «Незнайка на Луне», обитателями Острова дураков. Там, помнится, тоже всё было в порядке с развлечениями, пока приехавшие на остров коротышки не становились баранами...

Так вот, возвращаясь к функциям медиа-пространства, хотелось бы, помимо возвращения хотя бы некоего подобия баланса в названных трёх элементах, обратить внимание и на то, что деятельность в этом пространстве может иметь ещё один, на мой

взгляд — очень важный, элемент. Я говорю о способности информационного пространства к созданию позитивной (в данном случае — совершенно без кавычек) мотивации зрителей, слушателей, посетителей (это — о сети Интернет) к осмысленному и ответственному гражданскому действию. Такую функцию можно было бы назвать функцией гражданского побуждения. Приведу краткий сравнительный пример. Произошло драматическое событие, каких множество в нашей сегодняшней реальности. Так вот, можно рассказать об ужасах и кошмарах, его сопровождавших (изображение шокирующих кадров, обезображенных трагедией тел — например, при пожаре), а можно — о поступках граждан, помогавших спастись оказавшимся в сложной ситуации людям. В первом случае характерной реакцией становится страх перед событием и обывательское, досужее любопытство, опасное своей обманчивостью мнимое успокоение, что «меня это не коснулось» и агрессивное желание «наказать виновных». Во втором — сопереживание, желание помочь, положительный пример для окружающих и, извините за банальность — гордость за людей, проявивших себя с лучшей стороны.

Подчеркну, побуждать желательно к осмысленному и ответственному гражданскому действию. А не просто призывать к движению хоть куда. Ведь по сути, сегодняшнее информационное пространство — это одна из ключевых сфер наших долгосрочных инвестиций в будущее. От содержания этого пространства зависит, что будет тогда, когда наши дети «придут к власти». Какие ценностные основы обретут они, возникнут и закрепятся ли, в их самостоятельном сознании, одобряемые нами ценностные ориентиры? И будут ли такие ориентиры вообще? Или мы, как и многие предыдущие поколения россиян, продолжим движение к, не в обиду братьям Стругацким будь сказано, «далекой радуге»?..

Надар Хананашвили
*вице-президент Ассоциации благотворительных
организаций РФ*

СМИ О МОЛОДЁЖИ

В основе — конфиденциальность.
Самореклама и шумиха противопоказаны

Журналисты центральных каналов российского телевидения освоили новую тему: теперь многие из них специализируются на активном показе всевозможных детских проблем развития и подростковой преступности. Заголовки программ телепередач сегодня не перестают удивлять, юные насильники и малолетние воры не сходят с телеэкранов. Не отстают от тележурналистов и сотрудники печатных СМИ.

Сравнительно недавно в одном из региональных приложений к газете “Комсомольская правда” была опубликована большая статья о результатах расследования органами прокуратуры громкого дела. Общественность города была потрясена жестоким убийством молодого мужчины и особенно тем фактом, что, как выяснилось в ходе следствия, убийцей оказался несовершеннолетний сын потерпевшего. Статья подготовлена строго по материалам уголовного дела, полностью согласована со следователем и даже проиллюстрирована большой фотографией эпизода следственного эксперимента, предоставленной, как указывается в тексте, пресс-службой соответствующей прокуратуры. На фотографии отчетливо изображен 16-летний мальчишка, детально изображающий на лежащем манекене, как он убивал своего отца.

Подобного рода факты злоупотребления свободой массовой информации, к сожалению, весьма распространены в России. Более того, они даже не считаются конкретным нарушением прав человека. Нередко инициаторами таких “информационных взрывов” становятся не только журналисты, но и сами отечественные правоприменители. Мы были свидетелями целых шумных кампаний по “очищению улиц” от беспризорных детей, рей-

дов милиции вместе с журналистами в притоны несовершеннолетних проституток, публичного разбора административных материалов в отношении родителей малолетних наркоманов. Во всех аналогичных случаях сенсационные репортажи и фотосъемки несовершеннолетних производятся, мягко говоря, не без ведома работников милиции и прокуратуры. Более того, люди в мундирах сами не прочь покрасоваться в СМИ в роли заботливых и активных борцов с детской преступностью.

Такая порочная практика, бесспорно, должна быть пресечена, так как она противозаконна и приносит только вред трудному делу профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Для реального и скорейшего исправления подобных ошибок важно подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, активно изучать ныне действующие стандарты деликатного поведения в отношении несовершеннолетних правонарушителей и потерпевших необходимо не только журналистам, но и самим правоприменителям.

Во-вторых, внедрение специальных щадящих подходов к несовершеннолетним категорически не отменяет участие СМИ и широкой общественности в профилактической работе, а лишь делает их роль более ответственной и квалифицированной.

В отношении несовершеннолетних ныне действующим Законом РФ “О средствах массовой информации” предусмотрены более строгие, чем для обычных граждан, правила защиты их права на имя и неприкосновенность от любого необоснованного вмешательства. Часть 3 статьи 41 в принципе запрещает СМИ разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, либо подозреваемого в его совершении, а равно совершившего административное правонарушение или антиобщественное действие, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя.

Согласие это должно быть выражено ясно и недвусмысленно, как правило, в письменной форме. В противном случае рассказ о конфликте возможен только таким образом, чтобы личность несовершеннолетнего не была идентифицирована.

Следует обратить особое внимание, что в данном случае законодатель применяет специальный, довольно объемный термин “антиобщественное действие”, не имевший до недавнего времени какого-либо конкретного правового содержания. Происхождение в тексте данной правовой нормы этого термина может быть объяснено тем, что законодатель стремился распространить ее действие и на те случаи, когда состав преступления или административного правонарушения отсутствует из-за того, что правонарушитель не достиг положенного по закону возраста деликтоспособности.

Полагаем, что в этом случае речь идет не только о возрастном критерии. Законодатель, видимо, также имел в виду все разновидности девиантного поведения несовершеннолетних. Очевидно, любое отклонение в негативную сторону от общепринятой нормы поведения не должно становиться общеизвестным фактом, персонифицированным в конкретном подростке.

Применяя метод системного толкования действующих норм права, мы считаем необходимым в данном случае обратиться за разъяснениями к тексту Федерального Закона РФ №120-ФЗ “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” от 24 июня 1999 года. Необходимо также учитывать, что 7 июля 2003 года был принят Федеральный Закон №111-ФЗ о внесении изменений и дополнений в этот закон и другие законодательные акты РФ.

Важность этих поправок заключается в том, что основные понятия закона впервые дополнены законодательным определением термина “антиобщественные действия несовершеннолетнего”. Под таковыми теперь следует понимать любые действия лица, не достигшего возраста восемнадцати лет, выражающиеся в систематическом употреблении наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, спиртных напитков, занятии проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц.

Следуя логике законодателя, теперь уже абсолютно невозможны, например, телевизионные репортажи о ходе заседания Комиссии по делам несовершеннолетних, на котором разбира-

ются личные дела конкретных детей из неблагополучных семей. Тем более странно видеть телесюжеты о несовершеннолетних на скамье подсудимых или репортажи из воспитательных колоний.

Статья 2 этого закона устанавливает основные задачи и принципы деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Важно отметить, что приоритетными задачами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних отечественный законодатель считает:

- предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;
- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Раскрыты в тексте закона и важнейшие принципы осуществления этой работы.

Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки, деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних.

Таким образом, именно конфиденциальность, доверительный подход положены в основу всей профилактической работы с несовершеннолетними. Всякая самореклама и шумиха здесь категорически противопоказаны.

Кроме того, в силу ч. 4 ст. 41 того же Закона “О СМИ” ни одна редакция средства массовой информации не вправе разглашать сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим, без согласия самого несовершеннолетнего и (или) его законного представителя.

Интересно отметить, что такие жесткие запретительные нормы были внесены в закон о СМИ не так уж и давно, в 2000 году. Но профессиональные журналисты знали об этих ограничениях и ранее. До законодательного закрепления эти нормы существовали как правила профессиональной журналистской этики и, в силу уже этого, были обязательны для добросовестного или, как еще говорят, “рукопожатного” сообщества.

Так, параграф 7 статьи 10 Кодекса профессиональной этики журналиста, принятого съездом Союза журналистов СССР 24 апреля 1991 года, квалифицировал как проступок против чести и достоинства личности, “если журналист обнародует изображения или конкретные имена несовершеннолетних — подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, — не задумываясь об их дальнейшем жизненном пути, без согласия на то их самих или их законных представителей”.

В ныне действующем Кодексе профессиональной этики российского журналиста аналогичные требования полностью воспроизведены и дополнены запретом на публикацию в СМИ также и имен потерпевших.

Таким образом, применительно к отечественным журналистам несоблюдение указанных требований этики и права сегодня можно квалифицировать как искажение норм информационного поля и разновидность “информационной загрязненности” и злоупотребления свободой массовой информации.

Подобного рода конфликты разбирают по существу органы саморегулирования журналистского сообщества. Весьма авторитетным арбитром выступает, например, Комиссия по жалобам на прессу, созданная недавно по инициативе Союза журналистов России.

Правоприменители еще спорят о том, каким должен быть конкретный правовой механизм реализации юридической от-

ветственности в случае нарушения указанных норм. Однако судебная практика уже дает нам различные варианты привлечения виновных к гражданско-правовой ответственности за причинение как минимум морального вреда. Часто истцам в особо вопиющих случаях даже не приходится долго убеждать суд в наличии такого вреда в смысле положений ст.ст. 150, 151, 1064 Гражданского кодекса РФ.

Что касается правоприменителей, то вопрос об их ответственности за соблюдение специальных прав несовершеннолетних также достаточно проработан в законодательстве. В первую очередь необходимо сослаться на «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия среди несовершеннолетних» («Пекинские правила»). Этот важнейший для любой цивилизованной правовой системы документ был рекомендован для принятия седьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и принят резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. Пункт 8 специально посвящен проблеме обеспечения конфиденциальности при разборе дел в отношении лиц, не достигших 18 лет:

«8.1. Право несовершеннолетних на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ей или ему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации.

8.2. В принципе не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя».

Мировое сообщество считает аксиомой, что молодежь болезненно реагирует особенно на нанесение ущерба репутации. Результаты проводившихся в различных странах криминологических исследований по вопросу о нанесении ущерба репутации свидетельствуют об отрицательных последствиях (различного рода), связанных с разовым или постоянным применением по отношению к молодым лицам таких определений, как «правонарушитель» или «преступник».

Основы такого подхода закреплены также во Всеобщей Декларации прав человека Организации Объединенных Наций 1948 года и подтверждены Международным пактом ООН о гражданских и политических правах 1966 года.

В части 4 ст. 15 Конституции РФ признается, что международное законодательство по вопросам защиты прав человека является составной частью национальной правовой системы и применяется непосредственно.

В статье 8 «Пекинских правил» подчеркивается также важность защиты несовершеннолетних от негативных последствий опубликования в средствах массовой информации сообщений об их делах (например, имена подозреваемых или осужденных молодых правонарушителей). Интересы личности следует защищать и гарантировать, по крайней мере, в принципе и сделать это обязана в каждом конкретном случае государственная правовая машина.

Общие положения, содержащиеся в правиле 8, дополнительно конкретизируются в правиле 21, посвященном вопросам ведения протоколов по данной категории дел:

«21.1. Материалы дел несовершеннолетних правонарушителей должны храниться строго конфиденциально и не должны передаваться третьим лицам. Доступ к таким материалам должен быть ограничен кругом лиц, непосредственно занимающихся разбором данного дела, или других лиц, имеющих соответствующие полномочия.

21.2. Материалы дел несовершеннолетних правонарушителей не должны использоваться при разборе дел взрослых правонарушителей в последующих случаях, связанных с тем же правонарушителем».

В этом правиле делается попытка установить равновесие между конфликтующими интересами в связи с протоколами или материалами дел, а именно: интересами органов полиции, прокуратуры и других органов с целью совершенствования выполнения функций надзора и интересами несовершеннолетнего правонарушителя. Выражение “другие лица, имеющие соответствующие полномочия” обычно подразумевает, среди прочих

лиц, исследователей и специально уполномоченную общественность.

Вся ответственность за надлежащее хранение документации, например, фотографий и видеозаписей из уголовных дел, полностью лежит на должностных лицах правоохранительных органов, которые и обязаны обеспечить необходимый режим конфиденциальности.

Следовательно, по всем фактам выявленных в этой сфере нарушений должны проводиться служебные проверки и виновные лица подлежат привлечению к строгой ответственности.

Однако, как мы уже отмечали, особенности профилактической работы с несовершеннолетними не означают тотальной секретности и достижение реальных результатов практически невозможно без активного участия СМИ и заинтересованной общественности.

Пункт 25 «Пекинских правил» призывает обеспечить и стимулировать мобилизацию добровольцев и других общинных служб для качественного и эффективного решения проблем несовершеннолетних правонарушителей.

Следует обязательно привлекать добровольцев, добровольные организации, местные учреждения и другие общинные службы с тем, чтобы они внесли свой действенный вклад в перевоспитание несовершеннолетних в рамках общины и, насколько это возможно, в рамках семьи. Это правило с позиций международного права отражает необходимость постоянной ориентации всей работы с несовершеннолетними правонарушителями на их кропотливое подлинное перевоспитание. Для эффективного выполнения указаний и возложенных на осужденных ограничений компетентных органов власти сотрудничество с общиной имеет исключительно большое значение. В частности, добровольцы и добровольные службы оказывают государственным правоохранительным органам чрезвычайно ценные услуги в качестве поручителей, примирителей, психологов и т.п. В некоторых случаях значительную помощь могут оказывать бывшие правонарушители (в том числе, бывшие наркоманы). По оценкам экспертов в Российской Федерации в настоящее время их возможности используются недостаточно.

Прокуроры и судьи на местах постоянно сталкиваются с предложениями о сотрудничестве, поступающими от СМИ и правозащитных организаций. Чаще всего с такими идеями выступают объединения, провозглашающие в качестве одной из своих основных уставных целей защиту гражданских прав в целом или на конкретном участке, готовые оказывать в той или иной форме содействие правоохранительным органам в деле укрепления законности и правопорядка. С представителями этих СМИ и общественных объединений сотрудники прокуратуры и судьи должны уметь грамотно взаимодействовать на правовом поле и в информационной сфере. На это прямо нацеливают, в частности, действующий приказ Генерального прокурора РФ №45-98 “О задачах органов прокуратуры по взаимодействию со средствами массовой информации, совершенствованию общественных связей” и указание Генерального прокурора РФ №74 от 17.12.02 года “Об организации взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными общественными организациями”.

Реализация указанных предложений позволит, на наш взгляд, реально защитить права несовершеннолетних в информационной сфере, а также повысить статус российских СМИ и общественных организаций, укрепить авторитет правоохранительных органов и правосудия, совместно и профессионально решать задачи укрепления законности, поставленные перед органами прокуратуры Российской Федерации, судебной системой и всем обществом.

Борис Пантелеев,
старший научный сотрудник отдела юридической психологии НИИ при Генеральной прокуратуре РФ, кандидат юридических наук, советник юстиции

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

(ОДОБРЕН КОНГРЕССОМ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ 23.06.1994)

1. Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем Кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для его членства в Союзе журналистов России.

2. Журналист соблюдает законы своей страны, но в том, что касается выполнения профессионального долга, он признает юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было.

3. Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений.

Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения, в то же время в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным.

При выполнении своих профессиональных обязанностей журналист не прибегает к незаконным и недостойным способам получения информации. Журналист признает и уважает право физических и юридических лиц не предоставлять информацию и не отвечать на задаваемые им вопросы - за исключением случаев, когда обязанность предоставлять информацию оговорена законом.

Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации; журналист вообще не должен принимать ни прямо, ни косвенно никаких вознаграждений или гонораров от третьих лиц за публикации материалов и мнений любого характера.

Убедившись в том, что он опубликовал ложный или искаженный материал, журналист обязан исправить свою ошибку, используя те же полиграфические и (или) аудиовизуальные средства, которые были применены при публикации материала. При необходимости он должен принести извинения через свой орган печати.

Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенных за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было хотя бы частично искажено против его воли.

4. Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к открытию этого источника. Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба для людей.

Журналист обязан уважать просьбу интервьюируемых им лиц не разглашать официально их высказывания.

5. Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследований и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей.

Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное. В своих сообщениях он воздерживается называть по именам родственников и друзей тех людей, которые были обвинены или осуждены за совершенные ими преступления, за исключением тех случаев, когда это необходимо для объективного изложения вопроса. Он также воздерживается называть по имени жертву преступления и публиковать материалы, ведущие к установлению личности этой жертвы. С особой строгостью данные нормы исполняются, когда журналистское сообщение может затронуть интересы несовершеннолетних.

Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека. Такие ограничения вмешательства неукоснительно выполняются, если речь идет о людях, помещенных в медицинские и подобные учреждения.

6. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.

Журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие.

7. Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного

или коммерческого характера, особенно если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма такого сообщения. Само сочетание журналистской и рекламной деятельности считается этически недопустимым.

Журналист не должен использовать в личных интересах или интересах близких ему людей конфиденциальную информацию, которой может обладать в силу своей профессии.

8. Журналист уважает и отстаивает профессиональные права своих коллег, соблюдает законы честной конкуренции. Журналист избегает ситуаций, когда он мог бы нанести ущерб личным или профессиональным интересам своего коллеги, соглашаясь выполнять его обязанности на условиях, заведомо менее благоприятных в социальном, материальном или моральном плане.

Журналист уважает и заставляет уважать авторские права, вытекающие из любой творческой деятельности. Плагиат недопустим. Используя каким-либо образом работу своего коллеги, журналист ссылается на имя автора.

9. Журналист отказывается от задания, если выполнение его связано с нарушением одного из упомянутых выше принципов.

10. Журналист пользуется и отстаивает свое право пользоваться всеми предусмотренными гражданским и уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилия, оскорбления, морального ущерба, диффамации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов В.Л., Засурский Я.Н.* Аз, буки, веди. В двух томах. — М., 2007.
2. *Богданов В.Л., Засурский Я.Н.* Власть, зеркало или служанка? В двух томах. — М., 1999.
3. *Шкондин М.В.* Система СМИ как фактор общественного диалога. — М., 2002.
4. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. — М., 2000.
5. Средства массовой информации России. Под ред. Я.Н. Засурского. — М., 2005.
6. *Мейс И.* Работа над ошибками. Опыт омбудсмена в газете «Гардиан». — М., 2005.
7. Национальные проекты и информационные стратегии. — М., 2006.
8. В повестке дня социальное сиротство: «Дети улиц» на страницах региональных газет. — М., 2002.
9. Черная книга. — М., 2008.
10. *Жуков В.А.* Российские преобразования: социология, экономика, политика, журналистика социальной сферы. — М., 2003.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Веб сайт проекта МГР www.yar.nan.ru (раздел ресурсы, подраздел «Ювенальная юстиция»)
2. Веб сайт фонда «НАН» www.nan.ru
3. Веб сайт журнала «Вопросы ювенальной юстиции» www.juvenjust.org
4. Всероссийский информационный портал «Ювенальная юстиция в России» Ростовского регионального проекта МГР www.juvenilejustice.ru
5. Сайт проекта МГР www.yar.nan.ru раздел Пресса (подраздел Пресса об МГР)!